

**Максим Хорсун
Игорь Минаков
Егерь. Девушка с Земли**

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=643945
Егерь. Девушка с Земли: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50488-6*

Аннотация

Бывший сержант звездной пехоты, егерь Андрей Скворцов становится проводником у миллионера Эдмонда Марвелла, который прибыл вместе с дочерью Реминой на отдаленную планету Сирена. Марвелл желает прибрать к рукам богатейшие прииски планеты, а заодно показать изнеженной дочери обратную сторону жизни. Скворцов не прочь подзаработать, и Марвелл дает ему очень странное задание: устроить Ремине фальшивый побег в таинственные джунгли, полные кошмарных чудовищ. Ни миллионер, ни егерь не подозревают, что за девушкой охотится межзвездное братство симмонсов – космических бандитов, у которых на сокровища Сирены свои виды.

Содержание

Пролог	5
1	7
2	12
3	15
4	19
5	24
6	28
7	32
8	36
9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Игорь Минаков, Максим Хорсун Егерь. Девушка с Земли

*Замечательному советскому
писателю-фантасту Владимиру Фирсову,
писателю и чемпиону Евгению Константинову,
юному биологу Никите Минакову
с благодарностью!*

Пролог

Симмонсы прятались над ночной стороной дальней луны Сирены.

Базовый корабль бандитов – модернизированный колониальный транспорт – плыл над базальтовой долиной, покрытой густой сетью метеоритных кратеров. Ни один огонек не освещал утяжеленные дополнительной броней борта, дюзы двигателей были черны и холодны. Радары не работали, радиосвязь молчала.

Просторные трюмы бывшего транспорта когда-то были перестроены в авианесущие палубы для десантных и абордажных челноков. Две из них пустовали, и, судя по всему, на эти палубы уже никто не вернется.

«Двойной крест» означает, что операция прекращена. «Двойной крест» – последний сигнал, отправленный в эфир из рубки базового корабля. «Двойной крест» – каждый волен спасаться, как умеет.

А не дальше, чем в двух мегаметрах, над линией горизонта восходила стремительная звездочка корабля-охотника.

– Прошли терминатор, входим в тень. Азимут – восемь, тангаж – минус шесть.

– Держать курс.

Капитану крейсера «Святой Михаил» приходилось сражаться против симмонсов в дюжине звездных систем, поэтому он кое-что знал об их тактике. А точнее – капитан разбирался в ней лучше самих симмонсов.

Симмонсы, по сути, шваль межпланетная и никогда не отличались способностями к стратегии. Наглость, неожиданность, скорость – вот на что они опирались, планируя очередное нападение на транспортную линию или колонию. Их клановость, иерархия, кодекс чести – не более чем красивая космическая пыль, которой завуалирован бездушный вакуум. Бандиты во все времена бандиты...

– Начинаем облет луны. Запуск двигателей по моей команде. Три. Два. Один. Зажигание!

Тяжелый рокот заглушил мерный гул приборов и вентиляции. Перегрузка вдавила офицеров в ложементы. На тусклом теле планетоида прямо по курсу появились отсветы плазменного выброса из крейсерских дюз.

– Вижу цель! – почти сейчас же последовал доклад с радиолокационного поста. – Азимут – одиннадцать, тангаж – минус тридцать четыре. Они включили радар наведения!

– Уклонение! – выкрикнул командир.

Коротко пикинул сигнал тревоги, и куда более жестокая перегрузка навалилась на каждого, кто находился на борту «Святого Михаила». Война в космосе – занятие не для слабых телом и духом.

На экране бокового вида зажглась новая звезда. Симмонсы, всадив заряд в пустоту, уходили теперь на дневную сторону луны. Днем поверхность луны была разогрета до ста пятидесяти градусов, и тепловое наведение ракет «Святого Михаила» над ней теряло половину эффективности.

– Орудийные посты, приготовиться открыть огонь! Мичман! Предложите им сдаться на открытой частоте сейчас же! – раздавал приказы капитан, не отрывая глаз от тактического монитора. – У симмонсов есть десять секунд... – он защелкал пальцами, отмеряя последние секунды жизни противника.

Симмонсы провели маневр уклонения. Их громоздкий корабль летел, едва не царапая брюхо об пики лунных гор. Затем ударила кормовая пушка, и капитан успел собственными глазами увидеть, как на фоне бесцветной долины промелькнул сдвоенный росчерк лазерных лучей.

На пульте сверкнули тревожные огни. Сверкнули и тут же погасли. Один из тепловых щитов «Святого Михаила» выгорел, приняв на себя энергию залпа.

– Лазеры с первого по восьмой – огонь!

Среди кратеров полыхнуло пламя взрыва. Облако пыли и мелких обломков поднялось ввысь и на несколько мгновений скрыло симмонсов от охотников.

«Святой Михаил» проскочил через облако, растолкав обломки броневым поясом. В рубку крейсера стал просачиваться розовый свет: то взошел над близким горизонтом луны полумесяц Сирены.

Теперь базовый корабль симмонсов двигался, как краб, боком. За ним тянулся белесый шлейф вытекающего через пробойны воздуха.

– Не приближаемся! Если вздумают огрызнуться, мы не успеем уклониться.

И точно: симмонсы выпустили в крейсер преследователей сразу шесть ракет. Но это уже был жест отчаяния.

Снова пикинул сигнал тревоги, предупреждая о перегрузках. Крейсер ушел в очередное уклонение. Сверкнула, как маленькое солнце, тепловая ловушка. Самую настырную ракету добила лазером активная защита.

– Излучатели с двенадцатого по двадцатый – огонь!

Обугленная броня сползала с бандитского корабля, как со змеи кожа. Обнажились авиа-несущие палубы, полопались, точно мыльные пузыри, трюмы – их переборки не выдержали разницы давления.

– С левого борта – огонь!

«Святой Михаил» вздрогнул. Мелькнул газовый конус, похожий на кометный хвост, луну озарил на долгих три секунды плазменно-белый свет. Пятикилотонная боеголовка превратила корабль-базу симмонсов в облако радиоактивной пыли.

– Вот и все, ребята. Экипажу – моя благодарность. – Капитан смахнул со лба пот, и гроздь мелких капель поплыла в невесомости. – Пересчитать расход топлива, от навигатора мне нужна оптимальная траектория выхода на орбиту. – Он перебросил клавишу интеркома. – Майор Ковальский!

– Да, господин капитан второго ранга!

– Мы обезопасили космос, майор. Вам оставляем планету.

– Вас понял. Хорошая новость.

– Расчетное время выхода на позицию для десантирования – восемь часов.

Когда под сегментным брюхом «Святого Михаила» оказались перистые облака Сирены, десять десантных челноков покинули посадочные палубы. Отдельный батальон звездной пехоты отправился добивать остатки бандформирований симмонсов, если такие найдутся, на поверхности планеты.

1

Два солнца и две луны висели над каменистыми холмами. Сквозь светофильтры купола они выглядели одинаково – четыре разлапистых пятна цвета меди.

– Утро или вечер? – спросила Ремина.

– Скорее утро, чем вечер.

Она слышала остальных. Громче всех шумел папá: он разговаривал по телефону с губернатором; у старика был бодрый голос, хоть и несколько надтреснутый. Еще бы – папá сильнее, чем другим, досталось при посадке, ведь он и грузен и немолод. За другой перегородкой охал О'Ливи – то ли новый пресс-секретарь папá, то ли биограф, в общем, очередной лакей, купленный с потрохами задарма.

Обтянутая кожзаменителем кушетка скрипнула, Реми легла на бок. Поглядела на доктора – девушку примерно одного с ней возраста. Та уже приготовила шприц и теперь раздумывала, в какую часть тела Реми воткнуть иглу.

– Я же сказала, что хорошо себя чувствую.

– Мы прививаем всех, таковы правила.

– Нет-нет, на корабле ведь делали прививки. И на Земле тоже.

– Местные вирусы постоянно изменяются. Когда-то они вообще не могли причинить вред человеку.

– А я боюсь уколов.

– Могу только посочувствовать. Закатай рукав.

Ремина закусила губу. Посмотрела вверх. Одно солнце уже опустилось за холмы, второе осталось на прежнем месте. Стайка созданий, похожих на летающих рыб, пронеслась над куполом.

– Ай-ай! Уже все?

– Нет, сейчас сделаю еще одну.

«Взлет и посадка не обходятся без перегрузок, полет в космосе – без невесомости, а уколы – без иголок», – подумала Реми.

– Папá! – Реми постучала ладонью по перегородке. – Ну папá!

– Чего тебе? – отозвался отец.

Он тоже лежал на кушетке – важный, краснолицый, до одури богатый. Его волосатая грудь была облеплена медицинскими датчиками. Главный врач колонии стоял перед монитором и нервничал: посадка на семи «же» растревожила потрепанный миокард миллионера.

– Папá, а тебе не приходило в голову вложить деньги в разработку антигравитационных кораблей?

– Кроха! Ты, как всегда, отвлекаешь меня по пустякам! – буркнул папá.

– А в неощутимые иглы для шприцев?

– Дьявол... Скажи лучше, как ты там?

– Порядок, папá. Лучше всех, папá.

Подошла доктор. Потребовала дать другую руку.

– Вот. И вот-вот-вот... А теперь все.

– Можно идти?

– Да. Пожалуйста. – Доктор улыбнулась дежурной улыбкой.

– Наконец-то. Спасибо! – Реми вскочила на ноги. Она и в самом деле чувствовала себя превосходно. От легкого головокружения, что преследовало ее с тех пор, как она впервые вдохнула воздух Сирены, не осталось и воспоминания. – Пока-пока!

Реми выскользнула из своего бокса и столкнулась нос к носу с Грезой.

– Сколько раз тебе говорить, не называй его «папа́»! – прошипела Греза. – Он не любит, когда ты его так называешь!

– А я говорила, что ты для меня – немая невидимка.

– Сучка малолетняя! – ответила Греза и нырнула в бокс к папа́ – к своему мужу-миллионеру Эдмонду Марвеллу.

Реми помахала отцу рукой. Греза загородила его от Реми. Папа́ защелкал пальцами, и Пасадель, референт и телохранитель, подал шефу раскрытый портсигар.

О’Ливи курил в коридоре, уныло глядя на зарешеченный порт вытяжки. Реми воровато оглянулась: кроме двух служащих в зеленых комбезах, поблизости никого не было.

– Грегори, дайте скорее сигарету!

– Я не имею права терять эту работу, – проговорил, пуская дым, О’Ливи, – я еще квартиру не выкупил.

– Иначе я скажу папуле, что вы мне хамили. И он вас обязательно уволит.

– Бросьте, Реми. Вы ведь умница.

– Ладно, Грегори, на этот раз ваша взяла, – легко сдалась Ремина. – Но в следующий раз пощады не будет!

Она дошла до конца коридора, выглянула в вестибюль. От порога и через весь зал до выхода тянулась ковровая дорожка. По левую сторону дорожки застыли солдаты, выраженные в кивера, яркие кители и килты.

«Ага, – подумала Реми, – местная гвардия».

За стойкой регистратуры переминались с ноги на ногу служащие космопорта. Справа возле дверей возвышался еще один гвардеец с голыми коленками, только вместо винтовки он держал в руках волынку. А дальше выстроились боссы: все были сосредоточенны и хмуры. Все ждали ее папа́. Боже, как он был всем нужен, ее папа́!

Сквозь поляризованное стекло окон смутно виднелись очертания автомобилей. До города было миль двадцать. Реми надеялась, что они поедут через джунгли.

Но вот голос папа́ зазвучал в коридоре. Реми отпрянула от дверей, прижалась к стене.

Марвелл протопал мимо. Он был одет по-домашнему – светлый пиджак, футболка, широкие брюки, сандалии. Папа́ подмигнул Реми, а та взмахнула в ответ рукой. Верный пес, телохранитель Пасадель сурово поглядел на дочь шефа: он реагировал на резкие движения рефлекторно.

Реми пропустила Грезу, пристроилась рядышком с О’Ливи. Для солидности взяла его за локоть. О’Ливи ей немного нравился. Как-никак писатель, надежда современной литературы! Если бы он только не продался папа́ за гроши!

Заныла волынка. Гвардейцы в килтах взяли на караул.

Пожилый живчик, сразу видно – пройдоха и скупердй, кинулся навстречу миллионеру. Реми догадалась, что это и есть губернатор. Уполномоченный представитель Земли в федеральной колонии Сирена. Папа́ протянул ему волосатую лапу, живчик с благоговением посмотрел на пальцы миллионера. Реми испугалась, что губернатор сейчас падет на колени, но обошлось. Они пожали друг другу руки, а потом еще и обнялись.

Марвелла и губернатора сфотографировали. А затем они сошли с дорожки и остановились перед группой молодых людей. О’Ливи деликатно отстранил Реми и подбежал к шефу. Сказал что-то на ухо. Марвелл вдруг дернулся, словно его кнутом стегнули.

Реми знала, что папа́ не умеет давать интервью и что нелюбовь к репортерам давно переросла в фобию. Но его все-таки взяли в оборот, и старик, который еще не оправился после посадочных перегрузок, не смог выкрутиться. И О’Ливи ничем не помог – убыток, а не пресс-секретарь.

Реми услышала первый вопрос:

– Сетевой канал «Контекс-ком». Впервые бизнесмен вашего уровня отправился в продолжительное космическое путешествие, чтобы принять участие в судьбе отдаленной колонии. Насколько перспективным кажется вам развитие рынка Сирены?

Мистер Марвелл обычно отвечал на вопросы репортеров словно робот, у которого глючит синтезатор речи. Реми поспешила вперед, чтоб не видеть, как вытянутся у журналистского лица и как загорятся в их алчных глазищах задорные огоньки. Хочешь от души посмеяться над толстосумом – вот тебе повод.

– А-а-а... – выдохнул папá, точно осушил залпом стакан воды. – По поручению промышленной палаты Федерации... – он поглядел на О'Ливи; тот кивнул, одобряя. – По поручению промышленной палаты Федерации...

Ремина знала о планах отца почти все, самого папá удивило бы, как много она знает. Что-то услышала от старшего брата – сноб Альберт в эти дни восседал худым задом в отцовском кресле: проходил пробы на роль председателя совета директоров транснациональной корпорации. Что-то – от иных приближенных лиц. Никто не принимал крошку Реми всерьез, для всех она словно милая домашняя зверушка.

А она бы объяснила репортерам что к чему.

Да, Марвелл решил всерьез заняться этой планеткой.

Да, миллионер действительно рискнул здоровьем, чтобы увидеть мир под двумя солнцами и двумя лунами собственными глазами.

Ага, папá хочет сделать так, чтоб вся планета работала на его карман. Только нечему пока здесь работать. Хилое сельское хозяйство, которого едва хватает на прокорм поселенцев. Промышленности нет, если не считать приисков, где кустарным способом добывают кристаллический марганец. Туризм в зачаточном состоянии.

Марвелл прибыл на Сирену сам и потянул за собой чиновников из министерств. Если ему удастся добиться для Сирены статуса «зоны свободного ведения торговли», то сюда хлынут люди, а с ними – капиталы и технологии. Папá же вознесется в глазах прочих финансовых тузов на недостижимую высоту, потому что не всякий может позволить себе «карманную планету».

– «Галактика Плюс». Мистер Марвелл, учитываются ли в программе развития Сирены интересы аборигенов? – услышала Реми напоследок.

Створки стеклянных дверей разъехались в стороны. Реми вышла из вестибюля наружу.

Маленькое оранжевое солнце – компонент «А» двойной звезды Тау Скарабея – над каменистыми холмами. Можно смотреть на него и не щуриться. Луны полупрозрачны, вот-вот растают на фоне темной синевы неба. Сверкает в вышине чешуя созданий, похожих на летающих рыб.

Воздух свеж, но не холоден. И пахнет отовсюду морем.

Поперек бетонного поля стоят машины кортежа: один серебристый автомобиль представительского класса, остальные – внедорожники черного цвета да два грузовика. Рокочут вдали тягачи: это убирают с посадочной полосы шаттл.

Ремина ни секунды не сомневалась, когда папá предложил ей отправиться на Сирену. За тридевять парсеков – и что? Космический полет тяжел и неприятен – и что? Несколько дней можно и потерпеть. Сирена, малоисследованная планета на краю Ойкумены, сулила уйму свежих впечатлений. А Ремине, художнице и поэтессе, этих впечатлений так не хватало во дворце Эдмонда Марвелла.

Снова заурчала волынка. Реми отошла в сторону, пропуская процессию. Папá объяснялся с Грезой:

– Я ведь энергетик. Говорю в основном терминами. И термины мои такие, что ни одно телевидение в эфир не пустит. Поэтому не знаю, что сказать журналистам. Одни термины, дьявол, на языке вертятся!

Потом Марвелл, пес Пасадель и губернатор сели в серебристое авто, а перед Грезой, О'Ливи и Реми остановился один из внедорожников.

– Я не поеду с ней вместе! – Ремина без обиняков ткнула пальцем в Грезу.

– Поцокаешь копытцами до города! – улыбнулась та.

О'Ливи распахнул перед Реми дверцу салона, Греза же примостилась рядом с водителем. Писатель подсел к Ремине, вместе с ней стал смотреть сквозь затемненное окно, как гвардейцы в килтах запрыгивают в кузов грузовика. Второй грузовик был забит чемоданами Марвелла и его спутников.

Кортеж тронулся. Реми попросила водителя приоткрыть верхний люк.

Греза села вполоборота к О'Ливи.

– Господи! – простонала она. – Я была против этого вояжа!

«Будто ты что-то решаешь! – про себя прокомментировала Реми. – Отец таскает тебя повсюду с собой не потому, что жить без тебя не может, а потому, что не доверяет ни на цент!»

– Я *его* просила не лететь! Грегори! – Греза прижала ладонь к груди. – Как я *его* умоляла! Если бы ты знал!

– Я понимаю тебя, – О'Ливи полез в карман за сигаретами. – Надеюсь, что правительственный корабль прибудет вовремя. И мы не застрянем здесь надолго.

– Я *ему* говорила, – в пальцах Грезы появилась тонкая сигарета. – Если эта планета так понравилась тебе, отправь Альберта! А почему нет? Отправь Альберта!

– Да-да, – посочувствовал О'Ливи. – Господину Альберту совершенно необходимо набираться опыта.

– Инвестировать в космос – это вкладывать деньги в пустоту!

– Ага, – вновь поддакнул О'Ливи. – Развитие дальних планет – невыгодная затея.

– Я ведь *ему* говорила! Этот жуткий космический корабль. Эта жуткая планета! – Греза покосилась на водителя и проворчала с сомнением: – Извините, к вам это не относится!

Водитель ничего не ответил, стукнул только кулаком по панели бортового компьютера.

Реми прилипла носом к оконному стеклу. Но пока она не видела ничего интересного: пыльные холмы да выветренные камни, среди которых иногда попадались разноцветные пятна мхов или лишайников. Ей было обидно, что О'Ливи разговаривает не с ней, а с Грезой. И уж вовсе ни в какие ворота не лезло, что он соглашался с ее нытьем.

Когда холмы расступились, а дорога стала опускаться в низину, дурные мысли покинули головку Реми.

Она увидела джунгли.

Она увидела то, благодаря чему о Сирене еще помнят. Даже детям в школах рассказывают о том, что где-то у далеких звезд есть такая планета – Сирена.

Оранжево-красный лес перегораживал низину неровной стеной. Сухопутные коралловые полипы тянулись к небесам – высокие, как тополя, раскидистые, как ливанские кедры. Они жили век, потом умирали, и на их костях появлялись колонии молодых полипов.

Это был настоящий коралловый риф на суше. Пестрый, кишаший жизнью, причудливый, лишенный форм, привычных глазу человека.

Как Реми и мечтала, дорога шла через джунгли. Или через риф. Каждый волен называть эту территорию, как захочется: исходя из собственных ощущений и привычек.

Первым нарушил молчание О'Ливи:

– Это и есть тот самый рифовый лес?

Реми хмыкнула: ей понравилось, как О'Ливи «скрестил» два понятия.

– Лес за бугром, – буркнул водитель. – Здесь подлесок.

Тучи светящихся созданий – насекомых ли? или все-таки летающего крыля? – висели среди кораллов. Вокруг корявых ветвей вились лианы – или это водоросли сине-зеленого

цвета? Подрагивали вдоль дороги мясистые бутоны местных актиний. И Ремине показалось, что мелькнул среди молодых полипов полосатый бок гигантской рыбы-клоуна. Только рыба эта почему-то ходила на лапах и, судя по всему, ворчала, как растревоженная цепная собака.

– Остановите на минуту машину! – попросила Реми.

Греза ахнула и закатила глаза.

– Не положено... – процедил водитель и треснул кулаком по приборной панели еще раз.

– Но мне хочется посмотреть!

– Сказали же тебе – не положено! – прикрикнула на нее Греза, и Ремина подпрыгнула от негодования.

– Только посмотреть! Я ни на шаг не отойду, ни к чему не притронусь!

– Реми! Что за капризы? Ну в самом деле! – чванливо поджал губы О'Ливи. – Вы ведь не маленькая девочка!

Ремина отвернулась к окну. Ссутулилась. Надула губки.

«А еще писатель! – мысленно укорила она О'Ливи. – Шкура продажная! Предал литературу ради гарантированной миски с супом! Сапоги готов лизать хозяину и хозяйке, а хозяйка старше меня всего-то на четыре года!»

2

Реми догадывалась, что Прозерпина не будет выглядеть как Женева, Москва или Токио. И все же поездка по улицам главного города Сирены только усугубила ее меланхолию.

Не город. Поселок, который расползся по холмам, как расползается манная каша по столешнице, если ее наляпать мимо тарелки.

Фрагменты старых колониальных кораблей, переоборудованные в склады и депо. Одноэтажные дома из известняка, белого или желтого, с железными крышами. Повсюду теплицы и парники – земные растения на Сирене приживались только на привезенном черноземе и под светофильтрами, которые могли защитить от интенсивного ультрафиолета второго солнца – компонента «Б» двойной звезды Тау Скарабея.

Центр Прозерпины тоже не подавал особых надежд. Тут находилось белокаменное здание городского совета, управление Колониальной охраны, совмещенное с пожарным депо, несколько баров, двухэтажный супермаркет и гостиница, окруженная молодым дендрополиповым парком.

Часть кортежа остановилась на площади перед городским советом. Серебристое авто, в котором ехал губернатор, мистер Марвелл и Пасадель, въехало в парк, за ним в аллею завернул джип с Грезой, О'Ливи и Реми.

Возле парадного они вышли из машин.

Реми без интереса окинула взглядом сероватый гостиничный корпус, кивнула в ответ на пылкое приветствие директора гостиницы. Обошла внедорожник, собираясь осмотреть дендрополипы. Как ни странно, Греза и О'Ливи потянулись следом за ней. Но до аллеи трубчатых деревьев-кораллов они не добрались.

– Господи! – захныкала Греза. – Ну что это такое!

– Акслы, – ответил О'Ливи, и Реми сейчас же обернулась.

– А почему они в платьях, Грегори? – продолжала ныть Греза. – Меня сейчас стошнит! Господи... – она побледнела и шмыгнула обратно – к Марвеллу. Вместе с ним скрылась в гостинице.

Два зеленокожих и круглоголовых существа показались из-за угла гостиницы. Одежда на них, без сомнения, была человеческой: платья из пестрого ситца. Реми читала, что аборигены Сирены не носят даже набедренных повязок и не понимают, зачем это нужно. Но тех, кто жил вблизи человеческих поселений, земляне заставили соблюдать видимость приличий.

Девочки-акслы смотрели на людей, попеременно моргая выпуклыми глазищами. Казалось, их растянутые до ушных мембран рты все время улыбаются. Одной Реми дала бы не больше двух годиков, другой – лет шесть. Но она могла и ошибаться, все-таки это были нечеловеческие дети.

Нельзя сказать, что аборигенки показались ей совсем уж уродинами, но эти рты... Окажись среди подруг Реми кто-то с такой хлебoreзкой – сразу бы завоевала прозвище Лягва, или того хуже – Жаба.

Фотовспышка осветила зеленые лица девочек, заставив их зажмуриться. Вернее, натянуть на глаза нижние полупрозрачные веки.

– Реми, встаньте рядом с ними, я сделаю шикарный снимок для вашего выпускного альбома, – предложил О'Ливи.

– Опоздали. Я окончила школу два года назад, – сказала она, а затем улыбнулась и подала старшей девочке руку. Та доверчиво протянула навстречу перепончатую лапку.

– Первый контакт! – О'Ливи передвинулся в сторону, подбирая выразительный ракурс. Лапка девочки-акслы была теплой и чуть-чуть влажной.

– Правда, что они амфибии? – спросила Реми.

– Земноводные, – пробубнил О'Ливи. – Первые поселенцы прозвали их акслами, от слова «аксолотль», но я особого сходства не вижу.

– Я держала когда-то аксолотля в аквариуме.

– Да что вы? Наверное, в то время вы еще носили заколки с фенечками?

– У вас не найдется какой-нибудь безделушки, чтоб я могла им подарить?

Писатель достал из внутреннего кармана пиджака автостило с именным лейблом «Грегори О'Ливи».

– Спасибо, Грегори! Дочка босса этого не забудет! – Реми не оставила О'Ливи времени для размышления – отдавать или не отдавать, выхватила автостило и всунула старшей аксле в коготки. – Держи, лягушонок!

– Дарю, – сказала девочка немелодичным голосом и прижала подарок к груди.

– Этой штучкой можно писать разные слова, – принялся объяснять О'Ливи. – И еще рисовать. Только сначала надо нажать во-о-он ту кнопочку.

– Я покажу! – Реми отобрала автостило у растерявшейся акслы. – Грегори, у вас есть бумага?

О'Ливи развел руками. Реми решительным шагом направилась к машинам.

– У вас есть бумага? – спросила она у водителя внедорожника; тот молча захлопнул дверцу и завел мотор.

Реми взбежала на крыльцо, с сомнением поглядела на швейцара. Но тут двери распахнулись, и на пороге показался губернатор.

– У вас есть бумага? – повторила вопрос Ремина.

Губернатор услужливо улыбнулся. Полез в пиджак и через миг извлек из кармана старомодную позолоченную визитку.

«Фердинанд Мендолини» – сверкала надпись на лицевой стороне.

– Спасибо! – бросила Реми и умчалась обратно.

Она нарисовала на обратной стороне визитки смешного лягушонка и показала девочкам.

– Не я, – выкрикнула вдруг старшая, отталкивая рисунок. – Не я! Не я!

Реми опешила.

– Аборигенка не оценила ваши способности к рисованию, – насмешливо сказал О'Ливи. – Но не стоит обижаться на девчонок, они ведь не люди. Они аксолотли.

– Это сестры Христофоровы! – объявил кто-то зычным голосом; Реми обернулась и увидела, что к ним приближается швейцар. – Вы им лучше монетку дайте!

– У вас есть монетка? – спросила Реми у О'Ливи.

– Представьте себе, дочка миллионера! – писатель подал девочкам-акслам купюру.

– Дорого! – отозвалась старшая. – Нравится!

– Кофеты! – пискнула маленькая.

Аборигенки удалились.

– Они у нас вроде как на заработках, – сказал швейцар.

– То есть? – переспросил О'Ливи.

– А туристам легче привыкнуть к виду взрослых аксл, после того как они познакомятся с малышками Христофоровыми. Они ведь вас не напугали?

– Что вы! – усмехнулся О'Ливи. – Они очень милые... то ли рыбы, то ли жабы, то ли люди.

...В ресторане потчевали блюдами из местных продуктов. Губернатор произносил за тостом тост. Папá, который порицал возлияния, цедил коньяк из пузатого бокала да поглядывал с неприязнью на жареных полурыб-полуптиц, на моллюсков, приготовленных всяческими способами, на пахнущие морской капустой рулеты и паштеты: к морепродуктам он не

прикасался категорически. Реми осторожно пробовала то одно блюдо, то другое. Она заметила, что Грезы и О'Ливи в зале нет. Наконец она тоже выскользнула из-за стола и поднялась в апартаменты.

Багаж ждал ее в комнате. Реми отыскала потертый кофр, вытащила из него гитару, залезла с ногами на кровать и принялась перебирать струны.

В апартаментах захлопали двери, в комнату Реми ворвалась Греза и потребовала, чтобы та разбила гитару о свою голову. Реми швырнула в Грезу скомканными грязными носками, но все-таки отложила гитару и, назло мачехе, больше часа громко пела под душем.

Потом она разбирала вещи, валялась на кровати, сочиняла стихи и снова разбирала вещи.

Пришел папá и сообщил ей и Грезе, что завтра он намерен воспользоваться предложением губернатора проехаться по окрестностям да пострелять в зверье и что правительственный корабль пока не вышел из гиперпространства.

Греза сказала, что прогулка вряд ли ей понравится и вообще – местные предлагают им плебейское развлечение. А Реми чмокнула папашу в щеку и удалилась спать.

Оранжевое солнце медленно ползло по небосклону. Пройдет четыре земных дня и четыре земные ночи, прежде чем оно исчезнет за горизонтом, уступив место своему соседу – белому карлику очень скверного нрава.

3

Первого зверя подстрелил О'Ливи. Как ни странно. Реми не успела даже зажмуриться, так быстро писатель вскинул винтовку и всадил в глянцевого нежно-розового бок заряд картечи. Зверь, напоминающий бегемота, разинул зубастую пасть, издал сиплый рев и рухнул как подкошенный. Мощные тумбы его перепончатых лап слегка подергивались.

Нанятый папá егеря с русской фамилией Скворцов перемахнул через ствол поваленного дерева-коралла, осмотрел тушу и поднял большой палец.

– Браво, мистер О'Ливи, – сказал он. – Прямоком в сердце! Где вы так научились стрелять?

О'Ливи выкатил небритую нижнюю челюсть.

– Второй корпус звездной пехоты, сэр! – отчеканил он.

Реми воззрилась на писателя с изумлением: «Еще один телохранитель?! Папá знает толк в литературных неграх...»

– Да мы с вами почти земляки, мистер О'Ливи, – откликнулся Скворцов. Он вернулся к джипу. – Я служил в Седьмом вспомогательном батальоне в чине серванта. На Немезиде мы могли быть соседями...

О'Ливи вытащил портсигар и угостил егеря. Они закурили, перебрасываясь между затяжками разными военными словечками. Реми стало скучно. Она покосилась на папа. Миллионер рассеянным взором скользил по фиолетовому небу, где кружила стая летающих рыб, которых колонисты именовали рыбоптицами. Греза хмурила выщипанные бровки и рылась в косметичке. Пасадель зыркал по сторонам.

Ремина вылезла из машины. Прошлась взад-вперед по проселку, в широких колеях блестели зеленые лужи. Потянулась к милому на вид цветочку. Толстый фиолетовый стебель качнулся навстречу. Бутон цвета венозной крови выпростал желтый пестик – раздвоенный и трепещущий, как змеиное жало. Кто-то грубо отпихнул Реми плечом. Мелькнула сталь. Свистнул рассеянный воздух. Языкастый бутон отлетел в придорожные кусты. Упасть он не успел. Рыбоптица в крутом пике подхватила «цветок» и вернулась к стае.

Реми смерила грубияна взглядом. Как будто только что заметила.

Шорты, рубашка, шляпа – все темно-зеленое. Безвкусица. Длинные жилистые руки и ноги в царапинах. Загар похуже, чем у нее. Физиономия самая обыкновенная. Выступающие скулы. Нос картошкой. Голубые глаза. Белесые ресницы. Блондин, наверное. Жаль, под шляпой толком не разберешь. А впрочем, какая разница.

Скворцов крутанул мачете и бросил его в ножны.

– Прошу прощения, мисс Марвелл, – сказал он, – но Сирена не место для сбора цветочков. До них местная эволюция еще не добралась. Все, что вы видите, – он широким жестом обвел красно-оранжевые с редкими просверками зелени заросли, – либо водоросли, похожие на животных, либо животные, похожие на водоросли. Миллион лет назад здесь было дно океана, а теперь, как видите, суша, но населенная бывшими морскими обитателями. Сегодня вы едва не познакомились с мореной, чертовски ядовитой тварью. Впредь будьте осторожнее.

Реми фыркнула. Она не терпела поучений. Тем более от обслуги.

«Ладно, сейчас я тебя проучу...»

– Скажите, мистер траппер, – обратилась она к егерю, – зачем вам ружье? Ваше дело ставить капканы и устраивать прочие ловушки зверью.

– Строго говоря, я не траппер, – мгновенно откликнулся тот. – В шкуре моей добычи бывает, как правило, еще одна дырка, помимо предусмотренных природой. Но так уж повелось, что нас называют трапперами. Мы и не спорим. К чему?

– Вижу, вы знаете книжки старины Фенимора, – оценил О’Ливи. Почесал в затылке и добавил: – Мистер Зверобой...

– Кстати, не желаете ли сфотографироваться с добычей? – поинтересовался «мистер Зверобой».

Писатель оглянулся на папá. Тот махнул мясистой ладонью, дескать, не стесняйся, все оплачено.

– Я только хотел предложить вам, мистер Марвелл, присоединиться, – отозвался О’Ливи, – и нашим очаровательным дамам, разумеется.

– С превеликим удовольствием, – вскинулась Греза. – Если это... это существо действительно мертво...

– Можете мне поверить! – сказал Скворцов.

Миссис Марвелл кивнула, кокетливо улыбнулась О’Ливи, подала ему руку и с ловкостью перепрыгнула через борт. Писатель, польщенный вниманием хозяйской жены, расцвел, почти как морена.

«Вы еще поцелуйтесь», – нахмурилась Ремина.

С нарочитой неспешностью она забралась в джип. Сунула в рот два пальца, изобразила рвоту. Греза, которая поглядывала на падчерицу с насмешкой, мигом поскучнела.

– А вы, мистер Марвелл? – спросил Скворцов.

– Увольте, – откликнулся папа. – Не люблю я этого.

– Ну что ж, – сказал егерь, – мы ненадолго.

И он принялся руководить съемкой.

Реми отвернулась, но до нее все равно доносились голоса: «Вот сюда ножку, пожалуйста... А он не укусит?.. Что вы, после меткого выстрела мистера О’Ливи... Ой, какой твердый... А вот сюда – ручку... Мне солнце в глаза бьет... Чуть поверните головку...»

Наконец фотосессия закончилась. Греза и О’Ливи вернулись к машине. Миссис Марвелл вспорхнула на свое место возле папá, а писатель уселся рядом с Реми, чрезвычайно собой довольный. Винтовку он поставил между колен, длинным стволом вверх.

Реми украдкой оглянулась на Зверобоя. Егерь занимался делом. Он жестом подозвал двух колонистов – дурно одетых и плохо пахнувших забулдыг. Оборванцы подрабатывали тем, что отвозили добытую туристами дичь на небольшую таксидермическую фабрику, где с убитого зверья снимали шкуры, превращали его в чучела и другие сувениры. К туше поверженного чудища забулдыги подогнали грузовичок с лебедкой, обвязали бегемота тросом и втащили в кузов.

Отправив писательскую добычу в город, егерь сел за руль джипа, и вскоре охотничья экспедиция снова тронулась в путь. Реми принялась разглядывать окрестности.

Краткая лекция Скворцова сместила что-то в ее восприятии. Прояснила зрение. Ремина вдруг стала различать в разноцветном пульсирующем месиве рифового леса отдельные детали и понимать их назначение в общей картине. Коралловые деревья ритмично выстреливали полосатыми красно-желтыми щупальцами, хватали зазевавшихся жертв. Ими становились юркие, похожие на муравьев зверьки, что вертелись у подножия стволов. Зверьки сверлили рогатыми головками в известковой коре каналы, высасывая нежное мясо дендрополипов. Рыбоптицы срывали бутоны ядовитых морен, но не могли порой увернуться от тончайших, с виду безобидных, а на деле – клейких нитей, что парили над верхушками кораллов. Между самыми высокими стволами висели гирлянды сушеных трупиков с поникшими плавниками-крыльями. В чащобе тяжело ворочались бегемоты. Эти не церемонились, дробили хрупкие стволы акульими зубами и облизывали обломки досуха. Воздух сотрясался от хруста, хрупанья и сдержанного мычания.

«Восхитительное зрелище», – решила Реми.

– Все, что мы видим, лишь часть настоящего рифа, – снова пустился в объяснения Скворцов, хотя никто его об этом не просил. – Здесь слишком мало влаги. Подлинные коралловые джунгли начнутся южнее. – Он указал волосатой рукой на горизонт, куда, петляя между отдельными участками лесного рифа, убежал проселок. – Там настоящая охота!

Через несколько километров дорога пошла под уклон, и джип начал спускаться в глубокую котловину, на дне которой блестела вода. Это было озеро, и довольно большое. Коралловый лес обступал его плотным, труднопроходимым кольцом. По крайней мере, оно казалось таковым сверху. Озеро окружали дендрополипы впечатляющей высоты, и чем ближе они становились, тем сильнее поражали воображение.

– Возле атолла попрошу быть внимательней, – громко сказал егерь.

– Здесь могут водиться тигры? – не преминула блеснуть остроумием Ремина.

– Тигры не тигры, – отозвался егерь, – а львиная звезда – запросто.

– А что это такое, львиная звезда? – встряла Греза.

– Хищный моллюск, миссис, – ответил Скворцов. – Напоминает огромную морскую звезду. Передвигается, невзирая на размеры, стремительно. Подминает жертву под себя и обволакивает ее своим желудком.

Миссис Марвелл побледнела, прижала кулачки к щекам.

– Какой ужас, – пролепетала она. – Мы должны немедленно вернуться в город!

Реми хмыкнула, и егерь подмигнул ей.

«А он ничего... – подумала юная наследница о Скворцове. – По крайней мере, не клюнул на эту сексапилку, как О'Ливи...»

– Мы на охоте, дорогая, – откликнулся папá. – Без риска нет впечатлений, ты же знаешь... И потом, с нами трое вооруженных и прекрасно подготовленных молодых людей.

– И тем не менее, – заявила супруга, – я требую немедленного возвращения!

– А я требую продолжения охоты, – сказала Реми негромко, но так, чтобы услышал папá.

– Предлагаю компромисс, – сказал мистер Марвелл, который терпеть не мог семейных скандалов. – Я, Реми, О'Ливи и мистер Скворцов останемся. А Пасадель отвезет тебя, дорогая, в отель и вернется за нами.

– Нет уж, – буркнула Греза. – Либо мы уезжаем вместе, либо вместе остаемся.

– Конечно, – откликнулась Ремина, – не то по пути тебя могут сожрать бегемоты. Они обожают беспозвоночных...

– Ремина Марвелл, – сказал папá. – Придержите язычок, мисс!

– Я читал, что сухопутные моллюски Сирены вполне себе позвоночные, – проговорил О'Ливи.

Реми не удостоила его даже взглядом. Этот литературный негр утратил в ее глазах всякую привлекательность.

– И все-таки полноценными позвоночными их признать нельзя, – вмешался егерь. – Псевдохордовые, вот они кто.

И опять подмигнул Реми, дескать, возьми на заметку. Та улыбнулась в ответ.

Джип скатился в котловину, попрыгал по ухабам и замер у кромки рифового леса с легким креном на левый борт. Егерь взял карабин, кивком предложил остальным последовать своему примеру. В багажнике внедорожника хранился изрядный запас стволов и боеприпасов. О'Ливи уже был вооружен, но папá и Пасадель приняли предложение егеря. Греза наотрез отказалась. А Реми... Реми раздумывала.

Не отрывая взора, она смотрела на стену рифа. До сих пор Реми не видела ничего подобного. Коралловые заросли наверху котловины по сравнению с этой чащобой были лишь хилыми кустиками. Здесь же дендрополипы громоздились друг над другом, как небоскребы Манхэттена. Водоросли-паразиты обвивали стволы, мириадами спор проникали в

малейшие трещинки в известковой броне. Между ветвями порхали бесчисленные рыбоптицы, яркие, словно попугаи. Анемоны и актинии притворялись цветами, но нектар их был смертелен. Между ними сновали уже знакомые Реми клоуны-ворчуны. С рыбьими предками чешуйчатые создания сохранили лишь отдаленное сходство. Тем смешнее выглядели кургузые хвостовые плавники, которыми ворчуны подергивали, чтобы отогнать надоедливый летучий криль.

Против воли Ремина расхохоталась. Настроение ее улучшилось. Захотелось приключений. Она выпрыгнула из машины, схватила первую попавшуюся винтовку. Глаза ее горели.

– Ну что же вы, мужчины! – воскликнула Реми. – Где обещанная охота?

– Предлагаю прогуляться на берег лагуны, – сказал Скворцов. – Гарантирую незабываемые впечатления. Но смотреть в оба!

– Хочу впечатлений! – заявила Реми.

– Надеюсь, господа, – проговорила пунцовая от злости на весь мир Греза, – вы не бросите здесь несчастную женщину?

Она нехотя принялась выбираться из джипа. Все были возбуждены предстоящими приключениями, и никто, даже О'Ливи, не подал ей руки.

4

Едва в чаше кораллового молодняка раздался подозрительный хруст, Скворцов сказал: «Внимание!» – и взял карабин на изготовку. Пасадель, О’Ливи и даже папá повторили его движение. А Ремина не могла понять, с чего это они насторожились? Шум показался ей отдаленным, и в нем не было ничего угрожающего. Лишь когда прямо перед ней рухнули два юных дендрополипа и на поляну высунулась тупая безглазая морда, Реми испугалась. Испугалась молча. Пот выступил на верхней губе да сжалось сердце. Зато Греза испугалась очень громко. Ее визг подстегнул мужчин. Загрохотали выстрелы. Неведомая тварь неуклюже развернулась и поползла обратно в чашу. Пули догоняли ее, впивались в студенистые бока, но тварь неудержимо ломилась в заросли молодых кораллов. Массивная, покрытая слизью туша превращала хрупкие известковые веточки в труху. На высоко поднятой голове шевелились безобидные с виду рожки. Ни дать ни взять – улитка, только увеличенная в тысячу раз.

– Стоп, стоп, стоп! – Егерь поднял над головой скрещенные руки. – Прекратите стрелять!

– Ну и зверюга, – пробормотал О’Ливи, вытирая пот.

– Электрический слизень, – отозвался егерь. – Если не пытаться пролезть между рожками, он абсолютно не опасен.

– Зачем же тогда вы сказали «внимание»? – пробурчал папá.

– Это была учебная тревога, сэр! – Скворцов прикоснулся к полям шляпы. – Все-таки мы на охоте.

– Понятно, – сказал мистер Марвелл. – Проверяли нашу боеготовность.

– Так точно!

– Оставьте это, – отмахнулся папá. – Я вам не фельдфебель. Лучше покажите нам настоящую зверюгу.

– С этим проблем не будет, – сказал егерь, – как только выйдем к лагуне. Прошу за мной!

Они направились к просеке, оставленной в зарослях электрическим слизнем. Идти было удобно. Слизень проложил отличную дорогу. Ремина подумала, что, вероятно, это единственный путь к лагуне. Так что спасибо гигантской улитке...

Риф изнутри оказался еще интереснее, чем снаружи. Дендрополипы не высились здесь сплошной стеной, а образовывали причудливый рельеф с глубокими темными нишами и умопомрачительной высоты арками. Казалось, что охотники проникли во двор замка, построенного сумасшедшим архитектором или злым волшебником. Теплый ветер колыхал сине-зеленые знамена водорослей, что свешивались с искривленных аркбутанов. Мощные контрфорсы подпирали исполинские башни – порой с двойными, а то и тройными навешиями. Реми мерещились бойницы и узкие стрельчатые окна, из которых на нее пялились недобрые глаза. Поэтому она вздохнула с облегчением, когда впереди заблестела озерная вода.

– Теперь, господа и дамы, немного отдохнем, – объявил Скворцов, едва они вышли на узкий, усыпанный коралловой крошкой берег лагуны.

Озеро не впечатляло размерами. Оно было идеально круглым, отчего казалось искусственным. Как бассейн в калифорнийском дворце папá.

– Только очень вас прошу, не прикасайтесь к этим губкам! – предупредил егерь.

Он показал на пышные, красные с синими прожилками образования, которые напомнили Ремине пуфики.

– Почему? – поинтересовалась она.

– Почему? – переспросил егерь. – А вот почему!

Он метнулся к самой кромке и, недолго думая, выхватил из воды нечто, покрытое длинными белесыми иглами. Иглы эти вяло шевелились, ничем иным пойманное существо не выразило своего отношения к происходящему.

– Прости, дружок-иглокожий, – пробормотал егерь, а затем швырнул существо на ближайший «пуфик».

Реми ахнуть не успела, как губка всосала в себя иглокожего «дружка» без остатка, только брызнули во все стороны темные струйки.

– Это губки-вампиры, – пояснил Скворцов. – Они могут обходиться без пищи годами, поджидая, пока их не зацепит какое-нибудь неосторожное животное. И вот тут-то губки, не зевая, мгновенно прокалывают покровы жертвы тысячами крохотных иголок, высасывают кровь и другие жидкости. Благодаря этому способу питания губки-вампиры очень живучи. Они встречаются даже в приполярных пустынях.

– Вижу, вы неплохо разбираетесь в биологии Сирены, – решила польстить егерю Ремина.

– Я люблю эту планету, – откликнулся тот и добавил не без ехидства: – С вашего позволения, мисс.

– И все-таки, – вмешался папá, – где обещанная дичь? Хотелось бы уже подстрелить что-нибудь стоящее и вернуться в город. Развлечения развлечениями, но меня ждут дела. Министры!

– Дорогой, – капризно надула губки супруга, – может, достаточно на сегодня забав? Мне не терпится поскорее убраться из этого ужасного рифа.

– Потерпи, милая, – отозвался миллионер. – Тебе известны мои принципы. Если я плачу деньги, то должен получить все, за что они заплачены.

– Еще немного выдержки, господа. А особенно дамы! – громко сказал Скворцов. – Наступает кульминационный момент. Сейчас вы увидите самого страшного хищника планеты! По крайней мере, из тех, что водятся под оранжевым солнцем...

Охотники схватились за ружья. Все, включая Ремину. Только Греза зашипела и поспешила спрятаться за спиной телохранителя. Но егерь тянул время. Он достал из кармана шорт узкий цилиндр, вытянул из него гибкую антенну, щелкнул крохотной клавишей. На цилиндре замигали попеременно два огонька: зеленый и оранжевый. Егерь медленно двинулся вдоль берега, поводя антенной из стороны в сторону.

– Что это он делает? – поинтересовалась Реми.

– Вероятно, приманивает добычу, – отозвался О'Ливи.

Скворцов прошел еще несколько шагов и вдруг бросился обратно.

– Внимание на воду! – крикнул он на ходу.

Охотники устали на безмятежную гладь лагуны. Точнее – уже не безмятежную.

Посреди озера вздулся водяной бугор. Греза немедленно завизжала, но остальные в немом оцепенении ждали, что будет дальше. Бугор двинулся к берегу, толкая перед собою пенный бурун.

– Это сейсмурия, – сказал егерь звонким от напряжения голосом. – Когда она встанет на дыбы, стреляйте! Цельтесь в жаберные щели, это у нее единственное уязвимое место...

Охотники защелкали затворами. Вскинули винтовки. И вовремя. Бурун достиг берега. Вода будто взорвалась. Дождь соленых брызг обрушился на охотников. Визг супруги миллионера достиг высшей точки и перешел в ультразвук. Над кромкой берега вздыбилось широкое и плоское тулово химерического создания. Создание затмило солнечный свет, нависая как скала. По краям тулова шевелились бахромчатые щупальца. Скрежетали и щелкали челюсти, несоразмерно небольшой голове огромные. Ритмично вздымались и опадали похожие на жалюзи жаберы. Охотников обдало вонью гнилой рыбы. Дрожа от адреналинового

прилива, Ремина нажала на спусковой крючок. В плечо садануло отдачей, и Реми едва не выронила винтовку.

«Синяк будет», – подумала она.

Выстрелы охотников слились в общую пальбу. Пули рвали жаберные перепонки сейсмурии. Летели во все стороны брызги темной крови.

– Отходите назад! – прокричал егерь.

Папá, О'Ливи и Реми попятнулись. Сейсмурия пошатнулась. Челюсти ее сжались. Ремина подумала, что не хотела бы оказаться в их тисках. Ружья смолкли. Все, кроме одного. Пасадель продолжал палить в умирающую тварь. При этом он не сдвинулся с места.

– Назад, идиот! – скомандовал Скворцов.

Он схватил телохранителя за локоть и дернул на себя. За мгновение до того, как «самый опасный хищник планеты» рухнул к ногам охотников. Пасадель зашипел, затряс рукой. Правый рукав его рубашки был изъеден и дымился. Егерь помог телохранителю снять рубашку, осмотрел место ожога.

– Мисс Марвелл, – обратился он к Реми. – Помогите мне.

– Да, да, сейчас, – пробормотала она.

Ремина с трудом оторвалась от созерцания бронированной спины чудовища. Сейсмурия была не менее пяти метров в длину и трех – в ширину. Ее могучий, усеянный шипами хвост еще шевелился. Коралловая крошка вокруг потемнела от крови.

Реми подошла к егерю, он протянул ей дозатор нанопластыря.

– Сейчас я залью место ожога коллоидом, а вы сразу же заклеивайте, – сказал он.

– Как это случилось? – спросила она.

– Сейсмурия зацепила бахромой, – пояснил Скворцов. – Там у нее стрекательные клетки, как у земных медуз.

– Хотите сказать, что этот монстр – медуза?

– Не совсем, – откликнулся егерь, – но среди предков сейсмурии они вполне могли быть. К сожалению, по палеонтологии Сирены у нас маловато данных...

– У вас?! – удивилась Реми. – У егерей?

Но Скворцов не удостоил ее ответом. Он выдавил на плечо Пасаделя заживляющий коллоид и буркнул: «Заклеивайте!»

– Позвольте! – сказал вдруг папá. – А где моя жена?

Греза пропала. Во всяком случае, на берегу ее не было. Лишь торчала из губки-вампира ручка дамской сумочки, которую миссис Марвелл купила в бутике Луна-сити перед отлетом.

«Бедная губка, – подумала Ремина, – духи Грезы ее доконают...»

– Ничего страшного не случилось, – сказал Скворцов, как показалось Реми, с нарочитой неторопливостью. – Скорее всего, миссис Марвелл вернулась к машине.

– И вы так спокойно об этом говорите! – тоном провинциального трагика воскликнул О'Ливи. – Я немедленно ее отыщу!

– Это будет весьма... э-э... благородно с вашей стороны, О'Ливи, – отозвался папá.

О'Ливи перехватил винтовку поудобнее и кинулся в заросли. Папá кивнул Пасаделю, тот сейчас же двинулся следом за писателем. Нанопластырь белел на его загорелом плече, как повязка дежурного по лагерю бойскаутов.

«Правильно, – решила Реми, – незачем оставлять Грезу и писателя наедине...»

Отправленные на поиски миссис Марвелл мужчины вернулись быстро. И не одни. Кроме потерявшейся Грезы с ними пришел какой-то незнакомец. Одет он был немногим лучше забулдыг, что зарабатывали доставкой охотничьей добычи на таксидермическую фабрику. Во всяком случае, О'Ливи и Пасадель взирали на него как на подозрительного бродягу, не снимая пальцев со спусковых крючков.

Греза кинулась к мужу на шею.

– О, дорогой мой! – простонала она. – Прости, но мне стало так страшно, так страшно... Я потеряла голову! И представь, едва не заблудилась! Спасибо этому молодому человеку, он меня буквально спас!

Она простерла руку с обломанными ногтями в сторону «молодого человека».

«Дешевка, – подумала Реми. – Как была певичкой из кабаре, так и осталась...»

Ремина покосилась на егеря. Карабин висел у него на плече дулом вниз. Скворцов смотрел на высокого смуглого незнакомца в нелепом шлеме и улыбался.

– Вы знаете этого типа, мистер Скворцов? – поинтересовался папá.

– Да, мистер Марвелл, – отозвался егерь. – Это Кристо – волонтер Юнион Гэлакси. Магистр сиренианского отделения.

Перешагивая через «пуфики» словно журавль, долговязый Кристо подошел к егерю, пожал ему руку. Посмотрел на поверженную сейсмурию. Задергал щегольскими усиками, сдерживая смех. Скворцов чуть заметно развел руками.

Кристо отвесил сдержанный поклон миллионеру, потом обратил взор на Ремину. Глаза у магистра сиренианского отделения ЮГ оказались темно-зеленые с карими крапинками. Умные. Он улыбнулся, протянул руку Реми и наконец представился:

– Доктор экзосоциологии Кристобаль Гонсалес де Ла Вега, к вашим услугам, сеньора!

– Охота, я полагаю, закончилась, а иных развлечений я не заказывал, – сказал Эдмонд Марвелл, у которого было чутье на попрошаек и грантохапов. – Возвращаемся в гостиницу. Мистер Скворцов! Заберите оружие!

– Погодите, дорогой сэр! – Кристо попытался подойти к Марвеллу, но Пасадель заступил ему дорогу. – Я только хотел подарить вам значок нашей организации – «Сердце в звездах». Знаете, что он обозначает?

– Дочке подарите, – бросил папá. – Пасадель! Набери мне губернатора! Скворцов! Скворцов, черт вас дери! Винтовки заберите! Размялись мы как следует. Я вами доволен.

– Гребаная планета... – всплакнула Греза, прижимаясь к папá.

– Скворцов! В аптечке есть успокоительное?

Егерь припустил бегом к джипу. На плечах у него висели по две винтовки.

– Ну тогда, с вашего позволения, я подарю значок вашей дочери. – Кристо прицепил к топику Реми рубиновое сердечко. – Вам приходилось слышать об организации Юнион Гэлакси?

Реми наморщила лобик.

– Вы – волонтеры, – ответила она мгновение спустя. – Помогаете коренным обитателям планет, колонизированных людьми.

Кристо прижал ладонь к груди и слегка поклонился.

– Мы работаем с аборигенами. Учим их языкам землян, математике, а еще – основам земледелия и металлургии. Помогаем оправиться от культурного шока, вызванного контактом с цивилизацией людей. Мы...

– Реми! Не забалтывайся! – прикрикнул папá. – Давай в машину!

– Одну минутку! – Кристо вновь кинулся к Марвеллу. – Уделите мне только минуту!

– Запишитесь на прием, – посоветовал папá.

– С превеликим удовольствием. А как это возможно сделать?

– Прилетайте на Землю. Раз в полгода я встречаюсь с представителями от гуманитарных миссий. Решаю их вопросы в рабочем порядке.

– Сердечное вам спасибо, дорогой сэр! Желаю приятно провести время на Сирене!

Реми подняла брови домиком, вопросительно поглядела на Кристо. Тот глубоко вздохнул, удрученно покачал головой.

– Мы школу строим... в атолле Алехандро... В ста семидесяти милях на юг от Прозерпины... – пояснил он задумчивым голосом.

– Вам, наверное, деньги нужны! – округлила глаза Реми. Он вспомнила сестренку Христофоровых, потом подумала о миллионах аксел, обитающих в рифовых лесах. Как, наверное, несладко им живется среди ядовитых и вечно голодных тварей коралловых чащоб! А эти люди – волонтеры, которых возглавляет Кристо, – несомненно, заняты благородным и необходимым делом.

А папá даже выслушать не пожелал!

– К нам редко навещаются персоны такого масштаба, как ваш уважаемый отец, – уклончиво ответил Кристо.

Она хотела пообещать, что обязательно устроит для него встречу с отцом, но тут подошел Скворцов и перебил ее на полуслове.

– Мистер Марвелл сердится, – сказал егеръ. – Извините, мисс...

– Ну хорошо... идемте... – нехотя отозвалась Ремина.

Кристо подошел к мертвой сейсмурии. Наклонился, заглянул в остекленевший глаз.

– Эндрю, Эндрю... – проговорил он. – И не наскучило тебе выдавать несчастную медузу за самого опасного хищника Сирены? Честному роду сейсмурий вовек не обелить репутации...

– Это не медуза, – сказал Скворцов.

– Хоть раз показал бы туристам львиную звезду.

– Мне не нужны несчастные случаи.

– О чем он говорит? – спросила Реми у Скворцова.

– Мистер Марвелл нас ждет...

5

Министры откомандировали на Сирену своих заместителей – тех, что помоложе и покрепче. Папá пришел в гнев: он понял, что его проект намерены спустить на тормозах. Что тут поделаешь? И премьеру не пожаловаться – в ста световых годах от Сирены премьер.

– Я не рассчитывал на легкую победу, – признался Марвелл Грезе, когда та завязывала узел его галстука. – Но у меня отняли оппонента. Я не веду переговоры на уровне замов. Я замам, да будет тебе известно, даже руки при встрече не подаю. Дьявол! Знай, что мне преподнесут такую свинью, отправил бы сюда одну Ремину. Девчонка сама справилась бы с переговорами.

– Вот и нужно было отправить, – буркнула Греза.

– Ну-ну... – Марвелл поджал губы. – Не смей обижать мне кроху!

– Ее обидишь, – Греза потуже затянула узел галстука. – Меня в ее годы еще не так обижали...

– Я, милая моя, человек занятой. Решай-ка проблемы внутри семьи сама, для того и взял тебя в жены.

– А ты выдай ее замуж...

– Я все слышу! – отозвалась Реми из своей комнаты. – Сговор! Срежь бела дня!

– Пойди-ка проветришься! – отозвался папá. – Непонятно, что ли? Взрослые разговаривают!

Реми протерла рубиновое сердечко, подаренное Кристо, проверила, не криво ли висит значок на топике. Потом взяла гитару и спустилась в холл.

Там она сыграла несколько этюдов собственного сочинения. Спела умильным голоском администратору и швейцару свежесочиненную балладу «О рыбоптице и птице-рыбаке». После первого припева администратор ушла по каким-то делам на кухню, а швейцар вышел на крыльцо.

Реми пожала плечами. Пристроила гитару между двумя креслами и тоже вышла на улицу.

Швейцар угощал сестер Христофоровых мятными леденцами.

– Разве им можно? – спросила Ремина.

– Не знаю, – пожал плечами швейцар. – Но они очень любят конфеты.

– Дети есть дети, – высказалась Ремина. Она вдруг вспомнила долговязого Кристо. Подумала о школе, которую его волонтеры строят в южном атолле. – А кто научил малышей нашему языку? – поинтересовалась она.

Швейцар поморщился.

– Миссионеры. Церковь Господа Вседержителя, слышали небось? – Швейцар дождался кивка и продолжил с некоторой опаской: – Шуты гороховые... Крестья аксл целыми нерестами, фамилии им благочестивые дают. Библию читать учат.

– Что в этом плохого?

– А чего хорошего? Чужая душа – потемки. А душа чужого, если она у него есть, – черная дыра... Меня Бруно, кстати, зовут.

– Ремина. Очень приятно. А старшей девочке в школу, наверное, надо ходить. У вас ведь есть школа для аксл?

Швейцар прищурился:

– А кто из них, по-вашему, старшая рыбка?

– Что? Да вот эта.

Старшая аксла заморгала. Левым глазом – правым; левым – правым...

– Они из одного нереста, – улыбнулся швейцар.

– Как это – из одного нереста? – не поняла Реми.

– Одногодки, – пояснил швейцар. – Это ведь акслы. Они приостанавливают свое развитие, когда пожелают. Вот эти две захотели остаться девочками. Да... Причем одна почти сразу застолбила себе возраст, а вторая – пару годиков повременила.

– Господи! – Реми ахнула, почти как Греза. – Неужели это возможно?

– О! – в усы усмехнулся швейцар. – Не позволяйте себе думать об акслах как о людях.

Реми внимательно пригляделась к девочкам.

– Сколько же им лет на самом деле?

Швейцар призадумывался, переводя годы Сирены в земные.

– Двенадцать... или около того, – сказал он, наконец.

– Господи... – вновь протянула Реми. – Это ведь какая-то... вечная молодость!

– Почему же! – важно надул губы швейцар. – Эти повзрослеют и состарятся. Детские мордашки пойдут коричневыми пятнами, зубки сгниют... Помрут, в общем... хотя на вид останутся такими же маленькими.

– Какой кошмар!

– Да-а... – продолжил швейцар. – Послушайте сюда, Ремина. Нужны были бы им сильные руки и ноги или... там... размножаться бы им хотелось... ну, вы не маленькая и понимаете, что я хочу сказать... они сделали бы себя постарше. Вот те, что среди рифов живут, спешат возмужать поскорее. Но этим неплохо живется при гостинице, и нам от них польза – приучать туристов, чтоб не падали без чувств, едва завидят взрослого акслу.

– Ну... что ж... – Реми вымученно улыбнулась. Повернулась к девочкам: – А вы, лягушата, оказывается, уже большие? Какие хитрюги растут, боже мой!

Она вернулась в вестибюль. Увидела, что по лестнице спускается Марвелл, а с ним – Пасадель и О'Ливи.

– Папа, я хочу посмотреть, как живут аборигены.

Марвелл оттопырил нижнюю губу, фыркнул.

– Ремина! – начал он с расстановкой. – Я спешу в горсовет на заседаливо. Мне бы очень хотелось, чтобы ты присоединилась ко мне.

– Зачем?

– Кроха! Разве тебе неинтересно, чего ради пришлось лететь в эдакую даль? Посидишь в зале, на ус наматываешь. Поймешь, чем твой папа на жизнь зарабатывает.

– Зачем?

На самом деле она сразу поняла, куда клонит отец. Мол, крохе Реми пора прекратить валять дурака. Играть на гитаре, писать стихи и зачитываться фэнтези – непозволительная роскошь для девушки ее возраста. Дескать, дочки его партнеров по гольфу уже карьеру делают, и только Реми до сих пор в статусе маленькой девочки. Самой должно быть стыдно... И так далее, и тому подобное.

Реми помотала головой.

Нет, папа! Крутить-вертеть собой она не позволит. Да здравствует гитара, рифмы и хоббиты с эльфами! Нечего тянуть человека с чистой душой в клоаку бизнеса и политики.

– Ну... как знаешь... – папа явно разочаровался. – Буду поздно. Пока!

– Пока!

Она поцеловала отца. Забрала гитару и поднялась в апартаменты.

Греза возлежала на диване с бокалом мартини. В ведерке со льдом стояла початая бутылка, на серебряном подносе имелись легкие закуски. Когда папа уходил надолго, Греза всегда напивалась, а потом смотрела мутными глазами на себя: у Грезы была большая коллекция записей с собственных концертов. Пела она в юности отменно, выглядела – еще лучше; и Реми тихо ненавидела ее за это.

– Мы с Эдмондом поспорили... – Греза захихикала; ей хватало одного бокала, чтоб изрядно захмелеть. – Он все-таки совсем тебя не знает, крыска. Он был уверен, что ты поедешь с ним в горсовет. Бедный наивный папаша! Теперь он должен подарить мне медиа-холдинг, бедолага!

Реми снова спустилась в холл. Побродила по безлюдному залу, полюбовалась картинами – незатейливыми натюрмортами (она бы написала маслом лучше) в позолоченных рамах. Постояла перед бездарной стереофреской, аллегорически повествующей о колонизации Сирены. Вышла на улицу.

Оранжевое солнце еще не доползло до зенита, но воздух заметно прогрелся. Полдень обещал стать знойным. Никого перед парадным не обнаружилось: ни Бруно, ни сестренки Христофоровых. Дендрополиповый парк был пуст. У Реми появилось желание вынести мольберт и написать пейзаж, но тут сердце ее замерло: в конце аллеи показалась долговязая фигура Кристо. Присмотревшись, она поняла, что ошиблась. Это один из грузовых киберов, спешит, наверное, по вызову завхоза на пищеблок.

Кристо, Кристо... Почему же вы не выходите у меня из головы?

Пробковый шлем, глаза с крапинками, благородная скромность одежд. Во главе горстки самоотверженных волонтеров – против дикого мира и во благо несчастных аборигенов. Настоящий рыцарь... Магистр!

К парадному подкатил джип. Из салона выпрыгнул О'Ливи. Увидел Реми и помахал ей рукой.

– Греза у себя?

– А зачем она вам?

О'Ливи кивнул и побежал к дверям.

– Да она уже напилась! – крикнула Реми вдогонку.

Что происходит? Она всплеснула руками. Их как будто всех подменили на Сирене: и Грезу, и О'Ливи, и даже папá. Сама того не желая, Реми поплелась следом за писателем.

Дверь в апартаменты Марвелла была приоткрыта. Греза, пьяно похихикивая, прижимала к груди голову О'Ливи, а тот тискал ее бедра и нес какую-то околесицу.

– Вы бы хоть дверь закрыли. Совсем, бомжи, страх потеряли? – пробормотала ошеломленная Реми. Камер наблюдения-то в отеле нет! В отличие от дворца папá. Вот у них и помутился рассудок от мнимого приволья.

– Чего тебе надо? – промычала Греза.

– Я за гитарой пришла.

– Бери и проваливай. У нас мало времени.

О'Ливи отнял голову от жены шефа и пробубнил:

– Реми! Ну вы ведь умница! Вы не станете ябедничать, правда?

– А! Пусть ябедничает! – Греза откинулась на спинку дивана. – Кто ей поверит? Ночная кукушка кукует громче дневной! *Он* на нее сердит и слушать не станет!

– Ночная громче дневной... – пробормотала Реми и вышла в коридор. Гитару она так и не взяла.

...Это была захватывающая, волнующая идея. Дерзкая от начала и до конца. Во всем виноват был стресс и... еще раз стресс.

Реми подозвала администратора:

– Я хочу связаться с егерем, сопровождавшим нас на охоте.

– Со Скворцовым?

– Да, с Эндрю.

– Одну минуту.

На самом деле ждать пришлось полчаса или около того. Реми ушла в самую глухую часть парка, забралась в беседку, увитую сине-зелеными стеблями водорослей. Развернула

на скамье терминал связи. Сначала терминал молчал, лишь мигал сигнал вызова. Потом в динамике завывло, задрезжалось, а над скамьей возникла нечеткая голограмма.

– Скворцов.

– Это Ремина Марвелл. Здравствуйте.

– На атолле Торнадо. Связь плохая. Не вижу кто.

– Ремина. Вы сопровождали нас вчера.

– А! Мисс! Я вас почти не вижу! Я поднимусь повыше!

Голограмма дернулась и погасла. Реми услышала, как хрустят под сапогами егеря ломкие кости полипов. Скворцов тяжело дышал и отплеывался. Потом вдруг грянул выстрел: такой громкий, что динамики терминала захрипели.

– Что с вами, господин Скворцов?

– Ничего... Ч-черт... Вот-вот! Теперь я вас вижу.

– Это вы стреляли?

– Что? Да, я. Жаброхват это был... Они наглые на высотах.

– Господин Скворцов, мне нужны услуги проводника...

– Что? Еще одна охота?

– Нет, это личная просьба. Я хочу, чтоб вы отвезли меня в атолл Алехандро.

– Зачем?

– А вот этот вопрос излишний.

– Я беру за такие прогулки дорого, мисс.

– Могу себе представить.

– Я подумаю, мисс.

– Подумайте. Но я бы хотела отправиться в путь как можно скорее.

– К вечеру я вернусь в Прозерпину.

– К вечеру?

– Через восемь-десять часов. И еще через пять-шесть часов буду готов выйти.

– Господин Скворцов!

– Да, мисс?

– Я бы хотела, чтобы о нашем походе никто не знал.

– Даже ваш отец?

– Тем более отец.

– Тогда я возьму с вас еще дороже. Уж извините, но такой шанс я упустить не могу.

– Ладно уж...

Скорее отсюда! Из серого гадюшника посреди хилой полиповой поросли, где никому нет дела до нее и ей нет ни до кого дела. Подальше от финансовых интересов, заместителей министров и навязываемой роли. Подальше от лицемеров, лжецов и предателей. В рифовый лес. С головою – в буйство красок и запахов! Туда, куда зовет ее рубиновое сердце. Туда, где она может быть полезной.

В атолл Алехандро!

Скворцов перезвонил ей «вечером». Назначил время и место.

Солнце едва доползло до зенита. Знойный день Сирены был в самом разгаре.

6

Срюкзаком и кофром Ремина потихоньку выбралась на задний двор. Выходить через парадное было нельзя. В эти минуты папá имел обыкновение появляться на балконе номера в пижаме и с чашечкой утреннего кофе в руке. Впрочем, утро здесь было весьма условным. Через каждые двенадцать земных часов в номерах плотно задраивали жалюзи и постояльцы ложились спать. Кондиционеры имитировали ночную прохладу, с шелестом листьев и стрекотом цикад. При желании можно было симитировать шум прибора, или посвист вьюги, или шорох дождя. Одна из стен легко превращалась в окно в другой мир, но папá предпочитал просто темноту. Реми помнила это с детства, с тех давних пор, когда тайком пробиралась в родительскую спальню, протискивалась между папой и мамой и мирно засыпала.

Она прошла через полуотворенные ворота и очутилась на улице. Стоял знойный оранжево-фиолетовый день. Солнце торчало почти в зените и не думало двигаться с места. Жужжал мириадами жаброкрыльев вездесущий летучий криль. Протарахтела автоматическая повозка на высоких колесах. Реми огляделась, бегом пересекла улицу. Шагнула на тротуар. Тусклая в солнечном свете причудливо изогнутая неоновая трубка зазывала промочить глотку в баре Энрике. Ремина жажды не испытывала, но именно в этом заведении Скворцов назначил ей встречу, поэтому она, не раздумывая, шагнула к двери.

И едва успела отшатнуться. Дверь распахнулась, из облака табачного дыма вывалились забулдыга в грязных лохмотьях. Потерял равновесие, живописно пропахал мостовую носом. Заорал благим матом, попытался встать, но через миг затих. Реми такое видела только по телевизору. Ей стало любопытно. Она подошла к пропойце, наклонилась.

– Осторожно, мисс!

Ремина оглянулась. В двух шагах от нее стоял патруль колониальной охраны. Мятые килты, бронежилеты поверх мундиров, гетры и башмаки на толстой подошве – это по такой-то жаре! – короткоствольные автоматы и дубинки в чехлах. Из-под киверов с изображением обоюдоострого меча, перекрещенного со стилизованным изображением ракеты, были видны только нижние челюсти, вяло перемалывающие жвачку.

– Что вы сказали? – переспросила Реми.

– Я говорю – осторожно, – произнес один из колохровцев, подойдя ближе. – Это Джойс! – Он ткнул мыском башмака забулдыге в бок. – Он работает в лаборатории русского биолога. Мало ли какой заразы он там нахватался...

– Благодарю вас! – отозвалась Ремина. – В таком случае не могли бы вы помочь бедолаге? Его, кажется, избили.

– Ни черта с ним не случится, мисс, – отмахнулся колохровец. – До Карлика проспится... А вот вам я бы не советовал гулять рядом с подобными заведениями. Не ровен час...

– Не ваше дело, – буркнула Реми и отвернулась. Ее до глубины души возмутило прохладное отношение колохровцев к своим обязанностям. И она решила, что обязательно заставит папá навести в местном управлении порядок, если только ему удастся пропихнуть свою программу.

– Как хотите, а я вас предупредил...

Но Ремина уже не слушала. Она толкнула дверь, вошла в бар. И оказалась в ярко освещенном помещении с низким потолком и выточенными из ракушечника столами. От запахов разлитого пива, невымытых тел завсегдатаев, дешевого табака и пригоревшего мяса Ремине стало дурно. Посетители бара уставились на нее, как голодные шавки на бифштекс. Взгляды их были настолько красноречивы, что Ремина выскочила бы обратно на улицу, если бы не егеръ, который поднялся из-за столика, привлекая ее внимание.

Скворцов оглядел Реми с головы до ног, усмехнулся.

– Чему вы смеетесь? – вскинулась она.

– Вижу, вы опять на прогулку собрались, – сказал он, провожая Реми к стойке. – Вроде нашей давешней охоты.

– Не волнуйтесь, я не дура. Вот здесь, – Ремина взвесила на руке рюкзак, – есть все, что нужно: крем от загара, сухой паек, термоизолирующий комплект, компас, и прочее, и прочее. С этим можно выжить даже на Гиперборее.

– Ого! – усмехнулся егерь. – В таком случае я за вас спокоен... Правда, на Сирене два магнитных полюса, следовательно, компас здесь бесполезен.

– Магнитный, но не гравитационный.

– Сдаюсь! – Скворцов поднял руки. – Приказывайте, мисс!

Он кивнул Энрике, бармену и хозяину заведения, тот отворил дверь в подсобку. Скворцов взял у своей клиентки рюкзак. Пропустил Ремину вперед, сунул бармену кредитку и скрылся в подсобке.

Они долго шли по узкому, тускло освещенному коридору, потом поднялись по бетонной лестнице с замызганными ступенями. Скворцов протянул руку, толкнул тяжелую створку люка. Пахнуло коралловыми зарослями. Солнце ударило Реми в глаза. Когда она привыкла к яркому свету, то увидела в нескольких шагах небольшой риф, откуда доносилось жизнерадостное хрупанье. Бегемоты расчищали заросли. Неподалеку обнаружился и знакомый джип. Скворцов пристроил багаж Ремины на заднее сиденье. Кивком предложил садиться. Реми не заставила себя ждать.

– Ну что, мистер Скворцов, – сказала она. – Едем?

– Едем, – отозвался егерь, – только называйте меня просто Андреем!

– Эндрю, – сказала Ремина.

– Пусть будет Эндрю, – согласился Скворцов.

– А вы меня – Реми!

– Годится!

Егерь завел джип. Тихо загудели электромоторы. Поднимая белую пыль, джип покатил прочь от бара Энрике. Неожиданно из рифа вышли сестры Христофоровы. Они проводили машину взглядом, часто-часто моргая глазищами, а потом аксла, которая выглядела старше, подняла над головой худые лапки, беззвучно похлопала в ладоши.

– Почему она аплодирует? – спросила Ремина, наблюдавшая эту сценку в зеркало заднего вида.

– Аксла-то? – переспросил Скворцов. – Это не аплодисменты Реми, это предупреждение.

– Кому? – удивилась Ремина. – Нам?

– Нам, – подтвердил егерь. – Будет гроза. Акслы – земноводные, поэтому чувствуют малейшее изменение влажности.

– И откуда вы все это знаете, Эндрю? – поинтересовалась Ремина.

– Я же ученый, Реми, – пояснил Скворцов. – Окончил биологический факультет Московского университета, специализировался на биосферах землеподобных планет. Работал на Кентурии, Гермии, Немезиде. Потом прилетел сюда. И влюбился.

– В планету?

– В планету.

Ремина хмыкнула.

– А как же звездная пехота? – спросила она вкрадчиво. – Вспомогательный батальон. Сержантские нашивки... Лапшу на уши вешали?

– Нисколько, – ответил егерь. – Все было. И батальон. И нашивки. Но армия – не мое призвание. Поэтому, когда пришлось выбирать между поступлением в офицерскую школу и

карьерой экзобиолога, я выбрал экзобиологию. Благо что служба открыла мне бессрочную визу в космическое пространство...

– А сколько вам лет, Эндрю? – спросила Реми. – Если не секрет.

– Не секрет, – ответил Скворцов. – Тридцать четыре.

– Ого! – восхитилась Ремина. – А вы многое успели.

– И надеюсь, что успею еще больше... Если не помешают...

– Кто? – поинтересовалась Реми.

– Обстоятельства, – откликнулся егерь. – А главное, люди.

Ремине очень хотелось спросить: чему могут помешать обстоятельства и люди, но она не решилась. В конце концов, у каждого есть мечта, но далеко не каждый станет делиться ею с первым встречным. Она бы не стала.

Подскакивая на ухабах, джип бодро катился по проселочной дороге, как две капли воды похожей на ту, по которой они ездили на охоту. Как видно, на Сирене вообще была напряженка с приличными шоссе. Впрочем, по стеклобетону, напичканному оптоволоконным управляющей сети, Реми достаточно накаталась на Земле. Зато на Сирене нашлось много такого, чего на благоустроенной родной планете днем с огнем не сыскать. Настоящие приключения! И еще – настоящие люди. Такие, как этот егерь. И такие, как Кристоаль...

– У меня просьба, Эндрю...

– Слушаю вас, – отозвался Скворцов.

– Расскажите мне о Кристо.

– О Кристо?..

Скворцов долго молчал. Смотрел прямо перед собой или оглядывался. Его беспокоило что-то. Реми сначала подумала, что егерь опасается погони, но потом сама разглядела на горизонте свинцовую полосу грозового фронта. Грозы на Сирене были редки, но сокрушительны, она читала об этом в «Википедии». И если до начала бури егерь не найдет убежища, им придется туго.

– Кристо весьма любопытный парень, – начал Скворцов. – Родился он на Земле, в Испанском Доминионе, в городе Барселона, в семье потомственных грандов. Окончил университет в Саламанке. На старших курсах присоединился к Юнион Гэлакси. Участвовал в гуманитарных миссиях на Гермии и Заратустре. Его несколько раз арестовывали за нарушение колониальных законов. Запрещали въезд на Землю. Своих родителей Кристо не видел лет десять. Он даже не знает, живы ли они. Впрочем, по-моему, не очень-то интересуется их судьбой. Отец Кристо был весьма недоволен выбором сына, он предпочел бы видеть его преуспевающим адвокатом, а в перспективе – одним из Генеральных Комиссаров Земной Федерации. Тем не менее в ЮГ Кристо сделал неплохую карьеру. Защитил докторскую диссертацию по социодинамике экстратерральных примитивных сообществ. Прошел путь от рядового волонтера до магистра планетарного отделения. Входит в Капитул. Если ничего не случится, магистр де Ла Вега со временем станет Верховным...

– Впечатляющая анкета, – откликнулась Ремина. – А чем он занимается здесь, на Сирене?

Скворцов усмехнулся.

– Тем же, чем занимается Юнион Гэлакси на всех других обитаемых мирах, – сказал он. – Расталкивает местные примитивные социумы под микитки...

Реми прыснула:

– Подо что?!

– Это такое русское выражение... «Толкать под микитки» – значит ударить под дых, под ребра то есть. Лишить дыхания, понимаете?

Ремина покачала головой:

– Нет, не понимаю... При чем здесь этот варварский обычай русских?

– При том, что Юнион Гэлакси навязывает аборигенам земные культурные стереотипы. Лишает их цивилизацию, пусть и весьма примитивную, с нашей точки зрения, собственного дыхания...

– Это спорное утверждение! – заявила Реми. – Такие люди, как Кристо, несут несчастливым дикарям светоч культуры!

Егеръ покосился на нее.

– Вы серьезно так считаете? – спросил он. – Не стану спорить... Приедем в Алехандро, сами увидите... Кстати, а зачем вам туда? Если не секрет.

– Понимаете, Эндрю, – сказала Ремина. – Быть дочерью Марвелла – это подарок судьбы. По крайней мере, так думают многие. Но при этом жизнь расписана на сто лет вперед. Все предсказуемо. Короче, скука... А мне хотелось бы пожить настоящей жизнью.

– В атолле Алехандро?

– Да почему бы и нет...

– Ну хотя бы потому, что только в человеческих городах – Прозерпине и Персефоне – и их окрестностях аборигены носят одежду, спят на постелях, пользуются унитазами. А у себя в атолле они – дети природы. Со всеми вытекающими...

– Пугаете?

– И не думаю.

– Роскоши и комфорта я уже насмотрелась. Теперь хочется увидеть обратную сторону жизни... И потом, я планирую написать книгу...

– Об аборигенах?

– И о них тоже. Настоящую книгу, понимаете? Не такую, что теперь пишет О'Ливи.

– А он писатель?

– Ну да... И неплохой, в общем, но... боюсь, что благодаря папá скоро перестанет им быть.

7

Реми поглядела на монитор компаса. Приподняла бровь.

– Не слишком ли сильно мы отклонились на запад?

– Что-что? – отозвался Сковрцов; дорога на этом участке была вовсе не ахти: грунтовка, на которой тщилаься закрепитьь дендрополиповая поросль, поэтому внимание егеря было целиком поглощено маневрами, а еще назойливым стуком в области правого переднего колеса. Как бы не пришлось менять шаровую опору прямо на обочине.

– Ну... – Реми взмахнула рукой. – Атолл Алехандро, насколько мне известно, на юге. А мы забираемся все дальше на запад. Почему?

– А! – Егеръ сбавил скорость, объезжая развесистый коралл, что расположился посреди дороги многоруким Шивой. – Понял вас. К атоллу Алехандро не подберетесь на джипе. Вот доедем до Персефоны, а оттуда – пешочком через риф. Километров пятьдесят... Не смущает?

– Хм... нет! – Реми принялась махать перед собой блокнотом для путевых заметок, точно веером. – Что вы! Каких-то пятьдесят километров пешком. Эндрю, а что представляет собой Персефона?

– Поселок, – Сковрцов пожал плечами, – второй по величине после Прозерпины. – Он вдруг лучезарно улыбнулся. – Вообще, Прозерпина и Персефона – две классные древнегреческие девчонки, которые охраняют условные владения людей на Сирене. Их соединяет длинная дорога на этой планете, есть еще крошечные поселения, но они нанизаны на эту дорогу, как бусинки на леску.

– Меня интересует, есть ли в Персефоне магазины.

– Что-то забыли прихватить в дорогу? – Сковрцов поглядел на Реми. – Не переживайте, что-то можно будет выменять у трапперов.

– Звучит обнадеживающе, – хмыкнула Реми и снова склонилась над компасом. Если другие трапперы похожи на этого егеря, то тальк для ног у них точно не раздобыть, потому что не пользуются. И запасной дезодорант, и ежедневные прокладки...

– Реми, путь – один! Полюбуйтесь лучше видами или... Или сыграйте на гитаре!

– Вы хотите, чтоб я сыграла? – Реми отложила компас.

– Конечно. И спойте, если не трудно.

– В джипе? На ходу?

– Вы так краснеете, будто я предложил вам что-то неприличное. Или вы стесняетесь своего таланта?

Реми всегда реагировала на подобные просьбы недолгим кокетством. «Сыграйте!» – «Ну, не знаю...» – «Пожалуйста!» – «Право, понравится ли вам...» – «Будьте так любезны!» – «Что вы, что вы! Я не в голосе, и гитару нужно настроить...»

А вообще, она всегда была рада петь и играть. Правда, с тех пор как в их доме появилась Греза, ее все реже просили об этом.

– Остановите машину, я пересяду на заднее сиденье, ведь здесь мне не развернуться с гитарой.

– Да прощмыгните так, между сиденьями, – отмахнулся Сковрцов.

– Держите карман шире, – Реми подумалось, что егеръ обязательно станет пляться на ее зад, а ей, в принципе, и показать-то нечего. – Остановитесь или забудьте о том, чтобы я для вас пела.

Сковрцов сдался, сбросил педаль газа. Реми распахнула дверцу. Вышла, вдохнула пряный запах дендрополипов. Огляделась.

Над дорогой колыхалось жаркое марево. Справа поднималась стена бледно-розовых сетчатых кораллов, слева тянулись щебенистые сопки. Через просвет между сопками виднелась размытая дымкой возвышенность кроваво-красного цвета. Насколько Реми могла судить, эта гора тянулась с запада на восток на многие километры.

– Что это? Тоже риф? – спросила она, усаживаясь.

Егерь мельком взглянул в сторону сопки и скрывающейся за ними громады.

– Большой барьерный риф Хардегена, – он снова нажал на газ. – Отделяет на юге владения людей от остальной Сирены.

– Что же получается? За Большим барьерным людей нет?

– Почему же? Есть, – возразил Скворцов. – В основном старатели. Или маньяки-натуралисты. Одиночки. Их немного, они ищут, чем поживиться на абиссальной равнине. Одних привлекают полезные ископаемые, других – возможность прославиться, разгадав какую-нибудь загадку природы. Но о том, что происходит за Хардегеном, власти колонии не знают да и знать не хотят. Своих проблем хватает: от Прозерпины до Персефоны – сплошь одни проблемы. Вот, кстати, видите?

Над кораллами возвышалась решетчатая конструкция. Выглядела она чужеродно и как-то... неправильно, что ли? Словно книга в руках у Грезы. Словно Греза в руках у О'Ливи.

– Сеть радиолокационных станций, – пояснил егерь. – Колохра держит под колпаком около ста пятидесяти квадратных километров поверхности планеты. Что происходит за Хардегеном, мы знаем только по слухам.

– А как же спутники?

– Спутники? – не понял Скворцов. – Луны? Их никто толком не исследовал...

– Нет, я имею в виду искусственные спутники. Глобальное позиционирование? Гугл-Сирена?

– Нет. Искусственные спутники можно пересчитать по пальцам одной руки. Метеоконтроль, разведка ресурсов, связь с космическими станциями и флотом. Но мы с вами, кажется, о музыке говорили?

Никелированные замки кофра щелкнули, расстегнулись. Реми вынула гитару. Взяла ми-минор, дважды сильно ударила по струнам, прислушалась. Гитара строила превосходно. И, задержав дыхание, Реми принялась наигрывать полонез собственного сочинения.

Скворцов поглядел на нее в зеркало заднего вида.

– Не слышно, – сказал он минуту спустя.

Реми мысленно чертыхнулась. Что ж, играет она деликатно, а электромотор егерской колымаги жужжит, словно гигантский шершень.

Тогда она спела «Королеву лесных эльфов» – свой хит со времен выпускного класса, а потом «Две сиреневые луны» – балладу о неразделенной любви, которую она написала вчера перед сном. У Реми был высокий, немного детский голос. Голос, как обычно, чуть-чуть дрожал и почему-то срывался в кульминационной части каждой песни. И все же она исполняла достойно. Учítывая, что ей пришлось состязаться в громкости с электромотором; учítывая, что она сидела на продавленном заднем сиденье джипа, по соседству с дробовиком егеря. Да, достойно...

– А умеете песню про Немезиду? – спросил вдруг Скворцов, не позволив допеть ей рефрен.

– Зачем это – про Немезиду? – опешила Реми.

– Ну, я ведь там служил. Знаете, она примерно такая: Не-мезида! – егерь прищелкнул пальцами, – Не-мезида! – и дважды хлопнул ладонью по рулю. – У нас все ребята ее пели, не знаете? Армейская. На блатных аккордах. Просто играется. Нет?

– Я пою только песни собственного сочинения! – вздернула нос Реми.

– А популярное что-нибудь споете? Мне нравится «Ждала, проглядела очи». Умеете такую?

– Я же сказала! Я исполняю только авторские песни! – Реми стало обидно. Опять ее не хотят слушать! А «Ждала, проглядела очи» – это Греза пела в дешевом кабаре. Греза, сучка крашенная, до сих пор поет эту тупую песенку, что на двух аккордах, ее отцу! И как поет! Как богиня! Даже у Пасаделя челюсть бульдожья отвисает, и слюна, пенясь, стекает на пиджак.

– Ладно! С самого начала было ясно, что ничего хорошего не выйдет! – Реми уложила гитару в кофр.

– Что именно, Реми? – Егерь подмигнул ей в зеркало заднего вида.

Реми фыркнула, но ничего не ответила. Отвернулась к окну.

Коралловый риф отступил, исчез за сопками. Дорога сразу стала лучше. Скворцов нажал на газ, и джип наконец пошел резвее. Примерно через полчаса пути местность выровнялась. Промелькнули коровьи загоны – пустые, с поломанным ограждением, потом потянулись поля, занятые солнечными батареями. За одним из таких полей Скворцов крутанул руль, и джип опять затрясло по ухабам.

Егерь притормозил возле дома фермеров. На взгляд Реми, это обшитое листами железа сооружение походило скорее на марсианский форт. Некоторые листы были покрыты глубокими бороздами и вмятинами. Реми призадумалась: что бы могло их оставить? Пули? Или все-таки когти? А может, то и другое?

– Совсем опустились, – пробормотал Скворцов, выруливая к крыльцу. – Видите, середь бела дня окна ставнями закрыты, точно во время Карлика. Ну ладно... – Он поглядел на Реми. – Сидите в машине. Не забывайте, вы в бегах. Нечего светиться.

– Заметано, – буркнула Реми.

Скворцов вышел из джипа, проворно взбежал по ступеням высокого крыльца, заколотил кулаком в притолоку. Обитая полосами стали дверь распахнулась. Из темноты сначала показался ствол винтовки, потом серая клочковатая борода, и только затем уже появилось темное от частых возлияний лицо.

Егерь и фермер стали что-то громко обсуждать. Речь шла о замене какой-то шаровой, Скворцов просил у хозяина новую запчасть и гараж на полтора часа. Фермер размахивал винтовкой и ревел, словно буйвол. Очевидно, загвоздка была не в деньгах, – Реми ведь сполна расплатилась с егерем, заплатила столько, что на новый внедорожник хватило бы. В конце концов, Скворцов плюнул и вернулся в машину.

– Вот такие вот, Реми, люди – вонючие и крикливые, – проговорил он. – Не передумали еще на Алехандро топать?

– Не передумала, – ответил Реми, думая, что вот там она точно не встретит опустившихся и гнилых изнутри типов.

Снова замелькали секции солнечных батарей, а потом – пустые загоны. Реми стала одолевать дремота. Она обернулась, посмотрела в сторону Прозерпины. Небо на востоке было темно: точно кто-то углем заштриховал.

– Ходоки, – сказал вдруг Скворцов. – Тянут, как муравьишки...

Реми встрепелась, снова посмотрела вперед. Вдоль дороги брели два худощавых подростка. Одеты лишь в джинсы, босоногие. К ссутуленным спинам были привязаны ремнями, точно громоздкие баулы, раковины перламутрового цвета. Судя по тому, что из раковин время от времени показывались сегментные лапки, в них до сих пор кто-то жил.

Реми присмотрелась: да ведь это не подростки! Акслы! Взрослые акслы! Вот и зеленоватый оттенок кожи стал заметен, и головные гребни причудливой формы, и пары рудиментарных плавников над лопатками и на пояснице.

– Акслы... – протянула Реми.

Джип поравнялся с аборигенами. Реми увидела, что на горле у каждого акслы болтается кожаный мешок, похожий на мошонку. Тела аксл не имели ничего общего с человеческими: мышечный рельеф был иным, и, естественно, на груди – никаких сосков.

– Не сверните шею. Насмотритесь еще! – снисходительно бросил Скворцов.

– Остановите!

– Что, опять?

– Давайте подвезем! Им же тяжело нести!

Скворцов удивился:

– Кого подвезем? Аксл, что ли? Ха-ха! – через секунду рассмеялся он. – Аборигены никогда не сядут в автомобиль. Даже если допустить, что я бы им позволил это сделать. Для акслов наша техника – табу.

– Табу? И кто же в этом виноват? Вожди?

– Акслы не признают, не понимают и не пытаются понять нашу технику. Как, собственно, и людей. Вождей у них тоже нет. Живут как хотят: болтаются по воле солнц и лун по атоллам. Вечные дети.

Реми показалось, что последняя фраза – это камень в ее огород. Она забарабанила ногтями по кофру. Потом оглянулась и увидела, что акслы стоят посреди дороги и хлопают в ладоши, высоко подняв руки.

– Так, нам надо бы поспешить, – Скворцов ткнул пальцем в быстро темнеющее небо. – В полукилометре отсюда должна быть аккумуляторная подстанция, а при ней – салун. Там и укроемся... Если...

Последние его слова заглушил удар грома.

8

– Разверзлись хляби небесные, – пробормотал тощий мужчина с козлиной бородкой и выпуклыми темными глазами.

Других подробностей его внешности Ремине рассмотреть не удалось. В придорожном салуне было темно. Похоже, хозяин сэкономил на электричестве. Козлобородый сидел за соседним столиком. Перед незнакомцем стоял бокал с пивом, но за последние полчаса, как успела заметить Реми, козлобородый его ни разу не пригубил. Он то паялся в окно, то – на девушку. Ремине это разглядывание не нравилось, но она терпела. Скворцов ушел на подстанцию, поставить на зарядку аккумуляторы джипа, перед этим он велел Реми не двигаться с места. В другой раз она бы и не подумала подчиниться, но сейчас, когда за окном бесновалась гроза, а в темной зале салуна ошивался какой-то подозрительный тип, не время было демонстрировать независимость.

Козлобородый опять устался на Ремину и вдруг спросил:

– Веришь ли ты, дочь моя, в Господа нашего Вседержителя?

Реми захотелось огрызнуться: мол, я не дочь твоя, но она передумала и ответила:

– Верю, но подавания на церковь делаю лишь после воскресной службы.

Козлобородый сокрушенно покачал головой, над которой не помешало бы поработать парикмахеру, и сказал:

– Святая Конгрегация Распространения Веры на Других Мирах не нуждается в подаваниях. Слава Вседержителю, презренный металл не оскверняет рук ее смиренных служителей, денно и ночно пекущихся о заблудших душах детей Господних...

«Как же, – подумала Ремина. – Не оскверняете вы... Бедному папá, при всех его талантах, никогда столько не заработать, сколько святые отцы выкачивают из заблудших детей Господних...»

– Несчастные земноводные Сирены, – продолжал разглагольствовать миссионер, – были обречены на вечные адские муки, ибо не знали истинной веры...

– Они не знали никакой веры, отец Арух, – сказал Скворцов. – И не знают.

Ремина обрадовалась егерю, как никогда. Он возвышался над тщедушным отцом Арухом, словно дендрополип над хибарой. Миссионер в его присутствии сразу как-то потух, съезжился, но не сдался.

– Вы, месье ученый, отрицаете истинную веру, – процедил он. – У вас самого душа обречена на вечные страдания в геенне огненной. Так не мешайте мне спасти эту юную заблудшую овцу!

«Это кто овца? Я?!» – Ремина вспыхнула до корней волос. Она готова была запустить в балабола его же собственным пивом, но егерь подмигнул и едва заметно покачал головой.

– Я слышал, святой отец, – произнес он, – что вы крестите аборигенов водой.

– Разумеется, – отвечивал отец Арух, – как и заповедано Сыном Божьим...

– То есть, – продолжал Скворцов, – поливаете им головы обыкновенной пресной водой?

– Освященной, месье грешник! Освященной!

– Допустим... Но дело в том, что для аксл этот ваш ритуал сродни ежедневному умыванию. Как вы собираетесь втолковать им, что поливание головы...

Реми вдруг вскрикнула и отпрянула от окна. Егерь наклонился, всматриваясь в залитое дождевой водой стекло. Было чего испугаться. С улицы заглядывал какой-то тип премерзкого вида. Вместо носа у него была черная дыра, способная поглотить космический корабль среднего радиуса действия.

– Это что еще за урод? – пробормотал Скворцов.

И тут входная дверь распахнулась, в салон ввалилась толпа мужчин в болотных сапогах и дождевиках с капюшонами, по виду – старателей, что добывали кристаллический марганец на абиссальных равнинах давно высохшего океана. Кристаллы марганца ценились в системе Поллукса, где этот минерал был много дороже золота. Егеря-биолога настораживало лишь одно обстоятельство: до ближайшего старательского поселка было не менее тысячи километров. И километры эти пролегали через Большой барьерный риф Хардегена – местность труднопроходимую. Но еще больше насторожило Сковрцова поведение хозяина заведения, выскочившего на шум. Адольф Мюнцер по прозвищу Опарыш был калачом тертым, прошел огонь, воду и медные трубы. Вышибал в своем заведении не держал. Он сам мог вышибить кого угодно, а тут при виде «старателей» уменьшился в росте и сделался подобострастен.

– Проходите, проходите, гости дорогие! – залебезил он. – Сейчас я включу калорифер... Не желаете ли просушить одежду?... Виски?... Могу организовать шашлычок...

– Некогда нам, – рявкнул один из вошедших. – Еду, выпивку, что там у тебя еще – все грузи в машину... Чудовище! – окликнул он безносого, что пилился на Ремину и непрерывно облизывался, будто адрастейский псевдоваран. – Помоги хозяину!

– В какую машину? – спросил Опарыш.

– А что, у тебя еще одна есть?! – возмутился «старатель». – Та, под навесом! Которая на клеммах!

– Стоп, приятель! – сказал егерь. – Если я тебя правильно понял, ты собираешься грузить свое барахло в мой джип?

– Если та развалюха во дворе твоя, – откликнулся «приятель», – значит, ты меня правильно понял.

– А не много ли ты на себя берешь?!

– Я всегда беру столько, сколько мне нужно... А если какая-то шваль открывает пасть без моего разрешения, я снимаю с нее шкуру!

Сковрцов хотел было сказать, что он думает о самозванных командирах, но вспомнил о Реми и промолчал.

Главарь «старателей» хмыкнул. Взгромоздился на табурет у стойки, отнял у Опарыша бутылку виски и запрокинул ее над своим ртом. Остальные разбрелись по салону, заглядывали во все углы, хватали все, что подвернется под руку. Это был откровенный грабеж, но хозяин салуна не смел возражать. Напротив, он носился как угорелый, угощал бандитов, таскал из подсобки ящики и передавал их безносому Чудовищу.

Егерь покосился на миссионера, тот сидел в своем углу тихо, как мышь. Губы его беззвучно шевелились. Похоже, отец Арух молился. Сковрцов незаметно кивнул Ремине. Она поднялась. Егерь показал глазами на дверь. Стараясь остаться незамеченными в суматохе, они двинулись к выходу.

– А вы куда? – без малейшей угрозы в голосе спросил главарь.

– Проветриться, – буркнул Сковрцов. – Здесь душно...

– Не спеши, приятель, – отозвался главарь. – Скоро проветришься...

Егерь взялся за ручку двери.

– Я сказал: стоять!

– Иди ты!

Главарь мотнул головой. На Сковрцова кинулись сразу трое. Первого он свалил мастерским ударом в челюсть. Второй споткнулся о тело первого, но успел метнуть нож. Егерь отпрыгнул, и нож воткнулся в притолоку над головой Реми. Дочь миллионера невольно взвизгнула.

– Девушку не трогать! – рявкнул главарь.

Третий бандит выхватил нунчаки и завертел ими перед носом Сковрцова. Егерь отжал спиной дверь, схватил Ремину за руку и... чуть не получил сокрушительный удар по затылку.

Но уроки рукопашного боя, усвоенные за время службы, не пропали даром. Егерь ощутил легкое дуновение в области шеи, отклонил голову вправо и схватил Чудовище за руку, когда тот намеревался огреть строптивного биолога по голове. В руке бандит держал револьвер, поэтому, в довершение приема, Скворцов вывернул Чудовищу кисть. Монстр взвыл, упал на колени и выпустил оружие.

– Валите его, ребята, – бросил главарь.

Бандиты выхватили револьверы, но егерь опередил их. Два выстрела – два трупа. Скворцов стрелял наверняка, недаром же он был сержантом запаса звездной пехоты.

– Стволы на пол! – скомандовал егерь, взяв главаря на мушку. – Как бы вы ни стреляли, я быстрее...

Бандиты замешкались.

– Что скажешь, Жерех? – спросил один из них, толстяк в золотых очках, которые придавали ему вполне интеллигентный вид.

– Спрячьте пушки, парни! – велел Жерех. – Ты меня расстроил, приятель, – обратился он к Скворцову. – В общем, твоя шкура нам не нужна. Мы бы взяли, что нам требуется, и убрались бы отсюда...

– Ну так берите и убирайтесь! Мы-то вам зачем?!

Главарь покачал головой:

– Экий ты несообразительный... Я же сказал: ты нам не нужен! Ты, а не вы! Мы бы тебя отпустили, а мисс Марвелл любезно попросили бы проехать с нами. А теперь... Я даже не знаю, как нам поступить... Твое мнение, Профессор?

Очкастый толстяк поджал губы.

– Мнээ... – проблеял он. – Если исходить из соображений целесообразности, то лишний рот на Барьере хуже пистолета...

– Так я и знал, Колбасинский, – откликнулся Жерех, – что ты разбираешься только в аборигенах, а в человеческой психологии ни хрена не смыслишь... В общем так, приятель, – снова обратился он к Скворцову. – Хочешь, чтобы девчонка была в порядке, пойдешь с нами. А нет – как бы ты метко ни стрелял, мои орлы тебя все равно на ремешки порежут. И боюсь, не тебя одного... Ну, так каков твой ответ?

Ответить егерь не успел. Из подсобки выскочил Опарыш, и на этот раз в руках он держал не ящик тушенки, а двустволку.

– А ну убирайтесь, уроды! – заорал он и пальнул в потолок.

Убранные было револьверы снова очутились в руках бандитов. Поднялась бешеная пальба. Обеденную залу салуна заволокло пороховым дымом. Самым разумным было подхватить Реми и дать деру, но Скворцов никак не мог ее отыскать. Отстреливаясь наугад, он метался по зале, натыкался на столы и стулья, спотыкался об убитых и раненых бандитов. Звенели стекла, трещала мебель. Кто в кого стреляет, разобрать было невозможно. Сам егерь каким-то чудом оставался без единой царапины.

И вдруг все стихло. Дым унесло в разбитые окна. Скворцов осмотрелся. Почти все бандиты были на ногах, между опрокинутых столов лежало всего несколько человек. Двое – на совести егеря. Остальным досталось из дробовика, судя по ранам – заряженного картечью. Сам владелец ружья, изрешеченный добрым десятком пуль, валялся под стойкой. На лицо его из опрокинутой бутылки стекала светло-коричневая струйка. Жерех поднял ее и допил оставшееся виски.

Реми нигде не было.

– Та-ак, – протянул главарь. – Где девушка, недобитки?

Скрипнула входная дверь, и на пороге показался отец Арух. За собой он волок отчаянно сопротивляющуюся Ремину.

Жерех мотнул головой, и уцелевшие бандиты бросились помогать миссионеру. Егерь кинулся в драку. Ему удалось сбить с ног одного бандита, расквасить нос другому, выбить несколько зубов третьему, но люди Жереха тоже оказались не лыком шиты. Скворцова быстро повалили на пол. Он получил несколько раз подкованными мысками сапог по ребрам и понял, что сопротивляться уже не в силах. Он мог лишь смотреть, как связывают Реми.

– Так-то лучше, – сказал главарь. – Теперь берем этих двоих и уходим.

– Надеюсь, ваше превосходительство, – подал голос святой отец, – вы проявите христианское милосердие?

Жерех воззрился на него, как на редкое животное.

– А ты о чем думал, святоша, когда хватал девку? – поинтересовался он. – О милосердии?

– О спасении души заблудшей рабы Божьей, – проговорил Арух, поигрывая сорванным с Реми подарком Кристо – рубиновым сердечком. – Верю, что ниспосланные испытания заставят ее повернуться лицом к истинной вере. – Он швырнул значок на загаженный пластиковый пол и с наслаждением растоптал.

– Ну ты и гнида! – откликнулся главарь. – Ладно, будешь жить. Заслужил...

– Господь Вседержитель не оставит вас своими милостями!

– Еще слово, – окрысился Жерех, – и я устрою тебе мученическую кончину, ханжа!

Отец Арух воздел очи горе, пал на колени и начал громко, напоказ молиться. Бандиты заржали. Кто-то швырнул в миссионера пустой бутылкой.

– Хорош веселиться, выступаем, – приказал главарь. – Кто может идти, пусть пошевеливается, кто не может – подохнет. Так гласит закон Братства... Хибару – сжечь!

– Отпусти девушку, – сказал Скворцов. – Зачем она тебе...

– Чудовище, – отозвался на это главарь, – заткни ему пасть!

– Не надо, – сказал егерь. – Я понял.

– Отставить, Чудовище, – велел Жерех. – Наручники на него, и в машину. Да пошевеливайтесь, отморозки!

Скворцову сковали руки и вынесли во двор, будто мебель. Положили в багажник джипа бок о бок со связанной Реми. Рты им заклеили скотчем. Вскоре в машину погрузились все, кто уцелел в перестрелке. За руль сел Колбасинский. Жерех устроился рядом с ним. Зажужжал электродвигок, джип выехал из-под навеса. Егерь втянул было голову в плечи, но понял, что ливень прекратился. Позади раздался хлопок, и почти сразу же загудело пламя. Скворцов понял, что бандиты облили салун покойного Опарыша тетратилом, в котором горит все – дерево, металл, камень, лишь бы окружающая среда была насыщена кислородом. Перегруженный джип выкатился на дорогу и, расплескивая колесами жидкую грязь, покати́л на юго-запад.

Поездка продолжалась недолго. В том месте, где дорога сворачивала к Персефоне, бандиты выгрузились из джипа и выволокли из багажника заложников.

Впереди возвышались величественные башни Большого барьера Хардегена, у подножия которого группу Жереха ждали проводники.

9

Львиная звезда пристроилась в зарослях рыжей ламинарии. Моллюск был сытым и почти не маскировался, но все-таки, если бы не акслы, они угодили бы в его объятия всей компанией.

Проводник дернул ноздрями и поднял руку. Растопырил пальцы, демонстрируя расписанную капиллярными дорожками перепонку.

Похитители остановились. Ремину и Скворцова посадили на землю. Жерех, Лазарус и проводник вышли вперед. Стали о чем-то вполголоса совещаться.

Реми было безразлично, о чем говорят бандиты. Она запыхалась и не могла восстановить дыхание, потому что рот был заклеен скотчем. Скворцов нащупал ее пальцы связанными за спиной руками. Егерь желал приободрить Реми, и она была безмерна ему благодарна, до слез на глазах благодарна. Если бы не Скворцов... Рассуждать так – эгоистично и неблагородно, но действительно, если бы его не было рядом, она бы вовсе потеряла голову от отчаяния и страха.

А Скворцов смотрел на львиную звезду. И молился, чтоб бандиты не схватились за стволы. Если они откроют огонь, то моллюск дорого оплатит обидчикам. Кто-то, наверное, сумеет взять ноги в руки, но только не он и не Реми...

Тропы, что ведут через Большой барьер Хардегена, можно пересчитать по пальцам одной руки. Бандиты упорно продвигаются на юго-запад; вернуться к подножию барьера и выбрать другой путь почти наверняка означает стычку с отрядом колониальной охраны. Колохра Сирены обычно вялая и безынициативная, как акслы, но она, скорее всего, уже засуетились. Шутка ли, салун Опарыша – вдребезги, до зубов вооруженная банда захватывает заложников и уходит в рифы. Все это происходит в то время, когда на планете находятся государственные чиновники высшего ранга и один очень-очень богатенький Буратино со свитой.

Проводник подозвал жестом одного из аксл. Абориген фыркнул и поплелся по тропе мимо львиной звезды. Моллюск молниеносно скользнул вбок, подмял под себя акслу и с ним в желудке переместился на прежнее место. Жерех с сомнением поглядел на проводника, а тот подозвал второго акслу и снова отправил на заклятие. Аксла и не подумал возражать, бездумно пошел вперед, как и его предшественник. Львиная звезда повторила свой маневр. Чтоб сохранить прыть, моллюск высвободил проглоченного аборигена: тот остался, покрытый слизью, на земле, он уже был обожжен и не мог передвигаться. Только молча перебирал в воздухе ногами, словно поднимался по лестнице. Через три секунды моллюск снова вернулся в заросли ламинарии. Его середина раздулась, кожистая мембрана натянулась до прозрачности, переполненный желудочный мешок трепетал, словно гигантское сердце.

Проводник сам ступил на тропу. Прошелся мимо занятого перевариванием двух аксл моллюска туда и сюда, затем жестом позвал людей. Реми и Скворцова вновь подняли на ноги, тычками погнали вперед. С места – в карьер...

Коралловые арки закрыли солнце, золотистые лучи проникали сквозь редкие прорехи в известковой крыше. Тропа становилась уже, а свод опустился ниже. Из норок в своде свешивались кольчатые черви, украшенные яркими бахромчатыми наростами. Почуввав людей, они исчезали в червоточинах, а потом снова вываливались наружу. Реми до смерти надоело отдергивать голые колени от раздвоенных жал махровых морен. Она смотрела по сторонам, и ей казалось, что тропа проходит сквозь окаменевший кишечник исполинского создания. Большой барьер Хардегена и в самом деле был живым организмом, состоящим из тысяч и тысяч видов полипов, рыбоподобных животных, выющихся водорослей, моллюсков, кишечнорастворимых и бактерий.

В его утробе было жарко и парко.

Ремина обливалась потом и едва переставляла ноги. Если бы не плечо егеря, на которое она время от времени опиралась, то упасть бы ей наземь и не встать даже под дулом револьвера. Тем более что тропа поднималась вверх. Час они шли, а тропа все поднималась, два часа, три часа – вверх, вверх, вверх...

Путь преградило колышущееся в токе воздуха полотно тончайшей бледно-голубой ткани. Проводник взмахнул мачете, рассек ткань и пошел вперед. Реми заметила, что под сводом заметалось, стуча многочисленными ножками по известняку, нечто черное, округлое. А проводник уже рубил следующее полотно, но оно не поддавалось, опутывало лезвие клейкими нитями, не отпускало сталь. Наконец аксле удалось расчислить проход. Вот только перегрелся проводник: уселся на пол, широко разинул лягушачий рот и задышал часто-часто. Его головной гребень был ярко-красным от прилившей крови.

– Горючка закончилась! – пошутил Лазарус. – Может, плеснуть ему в глотку вискаря?

– Вискарь переводить? Уж лучше воды... – нехотя проговорил Жерех. – У нас осталась еще техническая вода?

Реми замычала, силясь привлечь к себе внимание.

– Пока помалкивай, – посоветовал ей Лазарус. – Придет твое время. Будешь, душенька, песни нам петь.

Реми указала кивком на многоногую тварь, что спустилась по клейкой нити на голову акслы. Лазарус обернулся, но ничего не увидел: существо успело спрятаться за головным гребнем проводника.

– Что там дальше? – спросил Жерех.

– Еще одна липучка, – пробасил краснобородый малый, которого все называли Марашеком или Марашкой.

– Окатите проводника! – распорядился Жерех. – Чудовище! Кому приказано!

Безносый бандит – тот, что напугал Реми в салуне Опарыша, – суетливо стащил со спины рюкзак, вынул из него пластиковую бутылку, наполненную чуть зеленоватой водой.

– На гребень лейте, Чудовище! – посоветовал Профессор Колбасинский – знаток местной биологии. – Он для того и приспособлен. Для теплообмена.

– Гы, – сказал Чудовище и щедро плеснул проводнику на голову.

В следующий миг он снова гыкнул и выронил бутылку. Нелепо растопырил руки, повернулся к остальным.

Реми поняла, что сквозь скотч на губах ей не прокричаться, поэтому лишь посильнее стиснула зубы.

На горле у Чудовища сидел черный паук и перебирал мохнатыми лапками.

Бандиты рванулись к подельнику. Его обезображенное лицо почернело, глаза вылезли из орбит, а на губах выступила пена.

– Снимите с него это дерьмо! – прикрикнул Жерех. – Руками только не трогайте!

– Мачете давайте! Или нож! – отозвался Лазарус.

– Используйте репеллент, – посоветовал Профессор Колбасинский.

– У меня же перчатки от скафандра с собой! – воскликнул Марашек и полез в свой рюкзак.

Тем временем проводник пришел в себя. Поморгал выпученными глазами, глядя на корчи Чудовища, зашлепал бородавчатыми губами. Потом протянул руку, схватил паука за головогрудь, поднес ко рту и одним движением откусил вытянутое брюшко.

Бандиты выругались, а Лазарус рассмеялся:

– Паук прикончил Чудовище, а туземец – паука. Круговорот дерьма в природе!

Чудовище перевернулся на бок, залопотал, точно был мертвецки пьян. Потом вдруг с силой оттолкнулся от известняка, вскочил на ноги. Выхватил из кобуры «кольт» и давай стрелять во все стороны.

Скворцов толкнул Реми, заставил повалиться носом в известковую пыль. Марашек прикрылся рюкзаком и упал на спину, Лазарус отпрянул к стене и медленно осел, оставляя на камне кровавый след. Жерех и Колбасинский метнулись в разные стороны, в движении вынимая револьверы. Лишь проводник остался безучастным: поднял прозрачные веки, чтоб каменная крошка не попала в глаза, да продолжил себе пережевывать паучье брюшко, а остальное, головугрудь с конечностями, бросил под ноги.

Чудовище повернулся к пленникам. Реми увидела, что на его морщинистой шее вздулся багровый, точно раскаленное железо, пузырь.

Дуло «кольта» Чудовища смотрело прямо на нее; оно почему-то оставалось темным, хотя бандит не прекращал нажимать на спусковой крючок. Барабан уже опустел, но Чудовище не обращал внимания на это обстоятельство.

И в следующий миг Жерех и Профессор Колбасинский всадили в подельника по паре пуль. Полоумный проскрежетал что-то сквозь пену, клокочущую на губах, а потом рухнул ничком.

– Лазарус! – спохватился Жерех; он опустился на одно колено, пистолет в руке главаря дымился.

– Живы будем, пока не помрем, босс, – отозвался Лазарус. – Еще одна дырка в шкуре... Сгодится для вентиляции... – Он крикнул и стащил через голову пропитанную кровью рубаху. – Чудовище всегда стрелял, как педик.

– Хм... – Колбасинский склонился над раненым; бронебойная пуля прошила плечо Лазаруса навывлет. – Я предполагаю, что токсины этого членистоногого спровоцировали у нашего монстра тестостероновый прилив, Чудовище буквально захлебнулся гормоном агрессии.

– Кончай жужжать, Профессор, – отмахнулся Жерех. – Я тебе не за то плачу! Поднимай Лазаруса, он нужен мне живчиком сейчас же! Марашка!

– Да, босс! – откликнулся краснобородый.

– Собирай тепловое ружье и шагай вперед. Увидишь паутину – жми гашетку.

– Заметано, босс!

– И смотри, чтоб эта дрянь тебе на котелок не свалилась.

– Ладно...

Марашек ушел, пошатываясь от тяжести ручного излучателя, который он собрал из частей, что несли в рюкзаках подельники. Через несколько секунд в глубине известкового замка ахнуло, пронеслась вдоль стен волна горячего воздуха. Жерех схватил Скворцова за плечо, поставил на ноги. Ремине повезло меньше – бандит поднял ее за волосы.

– Поднажмем, мои хорошие! – прошипел он Реми в ухо.

...Все смешалось в ее голове. Нелепый адюльтер О'Ливи и Грезы, кровь Чудовища, разбрызганная по стенам, молниеносные перемещения лавиной звезды, запахи рифового леса, нечеловеческая усталость. И жара, жара, жара...

Реми сильно тошнило, но рот был заклеен, и ей ничего не оставалось, только с шумом втягивать воздух носом. И спешить, спешить, спешить... Навстречу неизвестно чему. Но вряд ли чему-то хорошему.

...Вода наполняла чаши окаменевших ракушек, срывалась вниз сверкающими струйками, и снова – в ракушки, а потом – по размытым желобам, куда-то в глубь барьерного рифа.

Проводник, увидев воду, заворчал горлом. Его кожа из светло-зеленой стала белесой, прозрачной. Он задрожал и бочком, точно замороженный, двинулся к водопаду.

Марашка отодрал скотч от губ Реми. Она сейчас же кинулась к воде. Подставила под струю чумазое лицо и принялась жадно пить. Через несколько секунд к ней присоединился и Скворцов. А рядом с ними плескался аксла, раздувая горловой мешок и громогласно фырка.

Наконец Реми утолила жажду и освежилась. В голове сейчас же прояснилось. Она поняла, что находится на плато, окруженном трубчатыми вершинами дендрополипов. Дендрополипы были оплетены толстенными, словно канаты, выюющимися водорослями, к их пестрым стволам прикипели узорчатые раковины. Прямо над плато сияло солнце; казалось, что оно висит так низко: протяни руку – и сорвешь с неба.

– Реми, как вы себя чувствуете? – спросил Скворцов; егерь старался говорить тихо.

– Меня немного мутит, и ноги очень болят, – призналась Реми. – Куда нас ведут, Эндрю?

– Простите меня, Реми, – егерь опустил глаза.

– Эндрю?

– В атолл Алехандро следовало добираться другим путем.

Реми мотнула головой.

– Не смейте винить себя, Эндрю. Я уверена, что вы действовали, как было нужно.

– Да уж... – вздохнул Скворцов и быстро огляделся.

Лазарус уселся на рюкзак. Он подставил плечо Колбасинскому и закурил самокрутку. А Профессор, высунув от усердия язык, принялся латать рану. Взгляд Лазаруса постепенно терял осмысленность. Либо это действовал укол, сделанный Профессором, либо в самокрутке тлела забористая травушка. Марашек положил тяжелое тепловое ружье на землю, снял с плеча дробовик и принялся прохаживаться по площадке, поглядывая по сторонам. Его красная борода была от пота мокрой, как половая тряпка. Босс Жерех стащил с ног разношенные ботинки, размотал портянки и с недовольной миной оглядел кровавые водянки на ступнях. Вынул из кармана пятнистых брюк плоскую флягу, приложился к горлышку.

– Реми! – шепотом позвал Скворцов. – Реми, послушайте меня!

– А? – вяло отозвалась Реми.

– Реми, это симмонсы, – сказал егерь еще тише. – Реми! Понимаете, это симмонсы!

Жерех оторвался от созерцания водянок, повернулся к пленникам. Несколько секунд он смотрел на Скворцова, потом поманил пальцем.

– Слышишь, братка... А ну, подойди сюда.

Симмонсы... Реми лихорадочно вспоминала. Симмонсы. Космические бродяги. Террористы. Только не идейные, а ради денег. Наживы ради... Рейдерствуют на окраинах обжитого пространства. И жители дальних колоний темнеют лицами при упоминании о них.

– Ты, наверное, чешешь репу, мол, чего это я до сих пор жив? – сказал Скворцову Жерех. – Ты пришел Патрика и Китона, сука. За это я бы съел твою печень у тебя на глазах. Но на твою немощь у нас есть свои виды. Повернись! – Он вынул нож-бабочку. – Наклонись... Да не дрожи так, сладкий! Это не то, к чему ты привык!

Он рассек скотч, которым были стянуты запястья Скворцова.

– Повернись! В глаза мне не смотри! Жить хочешь, скунс? В глаза не смотреть, я сказал! Хочешь?..

Скворцов поглядел на Реми: та сидела, поджав ноги, ни жива ни мертва.

Егерь чуть-чуть подался вперед и сказал вполголоса:

– Я не боюсь ни тебя, ни твоих беспредельщиков. Но за ваши шкуры мне боязно... как там тебя? Босс, да? Босс, ее отец выйдет на след твоей банды, он обязательно выйдет, это лишь вопрос времени... И как только он вас отыщет... – Скворцов покачал головой.

– Экий волонтаризм! – выдохнул Профессор Колбасинский, зашивая рану Лазаруса.

– На колени, егерь! – процедил Жерех. – Ее отец пока нас не нашел. А ты здесь и сейчас. На колени, говорю!

– Эндрю! – пискнула Реми.

– ...Или я прикажу Марашеку поразвлечься с сударыней. Такого кобеля, – Жерех ухмыльнулся, – у этой тощей таксы сто пудов не было!

– Если бы не мисс Марвелл, – сказал, опускаясь на колени, Скворцов, – вам бы не поздоровилось.

– Понятно, что ты не фраер, – ответил Жерех. – Замотай мне портянки, как вас в звездной пехоте учили.

– Эндрю, – голос Ремины дрогнул. Ей хотелось вскочить и понестись ланью, куда глаза глядят... но ноги были ватными, руки были ватными, и даже лицо вроде бы онемело. Была только всепоглощающая беспомощность, когда даже слова нельзя сказать обидчику, и в этой беспомощности она тонула, будто в вонючей трясине. С каждой секундой опускалась глубже и глубже. И не стоило ждать, что кто-то подаст руку.

Она почувствовала холодное прикосновение. Это Марашек прижал к ее шее дуло дробовика. Провел вниз по спине, отсчитывая позвонки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.